

Лариса Кириллина
*Принцессы возвращаются
домой*

Лариса Кириллина

Принцессы возвращаются домой

«Издательские решения»

2014

Кириллина Л. В.

Принцессы возвращаются домой / Л. В. Кириллина —
«Издательские решения», 2014

Завиральное фэнтези для подростков и взрослых. Феерия двойников
и превращений, маг-компьютерщик, сумасшедшая Москва начала 2000-х
и мистическая развязка.

© Кириллина Л. В., 2014
© Издательские решения, 2014

Содержание

1	6
2	8
3	9
4	10
5	12
6	13
7	14
8	15
9	16
10	18
11	19
12	20
13	21
14	23
15	24
16	26
17	27
18	28
19	32
20	33
21	34
22	35
23	36
24	38
25	42
26	43
27	44
28	45
29	47
30	48
31	50
32	52
33	54
34	55
35	56
36	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Принцессы возвращаются домой

Лариса Кириллина

© Лариса Кириллина, 2014

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

1

«В столице полдень», – заявило соседское радио.

Ляля нехотя закрыла книгу, бросила рассеянный взгляд на дожидавшийся своей очереди учебник химии и погрузилась в несбыточные мечтания. Вот если бы попасть в тот мир, где самое место таким, как она, явно родившаяся не в то время и, похоже, не в той стране...

В российской действительности начала XXI века она чувствовала себя очень уж неуютно. Ей не нравилось абсолютно всё, начиная с собственного имени (ну, кого в наше время называют Клавами?!) и кончая дурно пахнущей лестницей в обшарпанной панельной девятиэтажке, гремящими под окном спозаранку мусоровозами и пьяными скандалами в квартире сверху. Хотя школа, в которую она ходила, считалась очень хорошей, Ляля и там чувствовала себя чужой, потому что её не понимали ни учителя, ни одноклассники. Считали чудачкой, вечно витающей в облаках вместо того, чтобы думать о баллах в будущем аттестате или хотя бы жить в своё удовольствие, как подобает нормальной девятикласснице – одеваться по моде, ярко краситься, кокетничать с мальчиками, отплясывать на дискотеках и покуривать в туалете.

Ляля была не такой, как другие.

Ещё в раннем детстве она без чьего-либо внушения знала, что это – совсем не её мир, что её забросили сюда случайно, по ошибке или по чьему-то злобному умыслу. А на самом деле она – принцесса, и жить ей пристало бы во дворце или в замке. Ну и пусть там не было бы никаких современных удобств! Нужно, кстати, разобраться, удобства это или, наоборот, неудобства. Современные люди слишком сильно зависят от вещей, которые находятся не в их власти, и которые они не в состоянии сделать своими руками.

Постепенно она сочинила себе мир, который ей нравился, и шаг за шагом начала его обживать. Там ее именовали принцессой Эвлалией (почему так, она не понятия не имела, но приняла это диковинное имя как истинное). Она была дочерью могущественных родителей: королевы-волшебницы и короля-воина, вечно пропадавшего в далеких, но неизменно победоносных походах (а в здешней реальности мама работала участковым врачом в поликлинике, а отец, бросив в голодные 90-е свою профессию инженера, подался в водители междугородних автобусов). В заветной стране принцессу Эвлалию обучали тому, что было приятно и интересно ей самой, а вдобавок совершенно необходимо в том мире, где она жила: магии, музыке, пению, стихосложению, рисованию, рукоделию и верховой езде.

Знала она о своем королевстве далеко не всё. Иногда всплывала одна деталь, иногда другая – но полной картины так и не складывалось. Она даже не знала, как называется та страна: нарочно придуманные имена к ней не шли, а подлинное узнать оказалось пока невозможно.

Ляля давно поняла, что ни на одну из знакомых стран это королевство не похоже. И, если она желает узнать о нём побольше, то нужно не столько погружаться в изучение реальной истории, сколько искать аналогий в книгах, описывающих иные миры. И она с головой ушла в фэнтези, проглатывая все романы и повести, какие только удавалось добыть в библиотеках, у одноклассниц и на лотках уличных торговцев. Спасением мог бы стать, наверное, интернет, но в школьном компьютерном классе особенно не почитаешь, а дома у Ляли был лишь дряхлый ноутбук, подаренный внезапно расщедрившимся соседом – тот купил себе новую модель, а прежняя, с первым пентиумом и 98-м вордом, настолько устарела, что ее даже не брали в комиссионку... Не выбрасывать же! И он отдал это чудо техники Ляле: «Учись хоть тексты набирать, на это он еще сгодится»... И модем свой старый отдал – да что в нем толку, даже если бы она могла его подключить и настроить? Связь через модем, говорят, ненадежная и дорогая. Кое-кто из ребят в классе уже ухитряется зарабатывать деньги, но Ляля не умеет ловчить и вертеться: она же – принцесса...

Только бы сдать как-нибудь экзамены за девятый класс.

Сегодня надо бы вызубрить хоть несколько экзаменационных билетов по химии. Просто механически запомнить, как тарабарщину, потому что понять этого всё равно нельзя.

Нет. Ничего не лезет в голову. В квартире так душно, а в раскрытую дверь балкона летит смачный запах чужого борща и какая-то рекламная дребедень – соседка готовит обед, включив на полную мощь магнитолау.

Прогуляться, что ли, немного? Часочек. Ну, самое большее, полтора. Такая изумительная погода, парк – рядом, три минуты пешком... Химию можно учить и перед сном, и даже ночью. Есть, наконец, и завтрашний день. Результат-то будет один и тот же: милосердная тройка и тяжкий вздох химички Марь Максимны – «Ну, Соколова, что с тобой делать»...

2

Погруженная в свои мысли, Ляля шла по тенистой липовой аллее, уже источавшей дурманящий запах летнего счастья, хотя еще не расцветшей, а лишь выставившей из листвы бледнозеленые зародыши будущих пушистых цветков. Молодая девушка, одиноко гуляющая по парку, почему-то выглядит в глазах большинства окружающих подозрительно, и, чтобы к ней больше не приставали праздношатающиеся парни с банками пива, Ляля свернула в сторону детского городка. Там обычно пасли малышей семейные люди, и среди них можно было не опасаться никаких неприятностей.

Несмотря на чудесный июньский день, народу было мало. Будни, обеденное время, а к тому же понедельник – аттракционы после выходных не работают. Впрочем, городок открыт, в песочнице возится пара беленьких несмышленишек, опекаемых бабушками, а то, что карусели не грохочут и детки не визжат – это даже к лучшему: тихо.

Странно: один фургончик, кажется, всё-таки действует. Выкрашен в свежую зеленую краску. Надпись на вывеске: *«Чудесные зеркала и волшебные метаморфозы»*.

Что бы это значило?

У входа на старом деревянном стуле сидел погруженный в полудрёму зритель – хмурый дядечка в сером казенном халате. Ляле он показался стариком, но, возможно, лет ему было не так уж и много.

– Извините, а там что – кривые зеркала? – поинтересовалась у него подошедшая Ляля.

– Да, кривей не бывает, – не очень приветливо буркнул ей он. Голос у него был отрывистый и хриплый, словно лающий.

Словно вспомнив о хороших манерах, он добавил повежливее:

– Если хочется – сами взгляните.

– Вероятно, в другой раз, – чуть виновато улыбнулась она. – У меня с собой нет денег.

– Другого раза не будет. Мы уже закрываемся – я жду хозяина, он ненадолго ушёл. А денег мне ваших не нужно. Я их не ем.

В душе у Ляли отчаянно спорили два голоса. Один кричал ей: «Дура, ты что затеяла?! Мало ли что с тобою там сделают, и никто не увидит и не услышит! Ни в коем случае не заходи!»... А другой упрямо подначивал: «Непременно зайди! Чего ты трусишь? Маньяков каких-нибудь в детский городок никто бы не пустил! Может быть, там такое, чего ты не видела и уже никогда не увидишь!»...

– А это... не страшно? – застенчиво спросила Ляля у зрителя.

– Ну, смотря кому как, – кривовато усмехнулся тот. – Я же не знаю, что вы там увидите. Некоторые детишки пугаются.

Почему-то это предостережение о возможной опасности лишь подстегнуло уже созревшую решимость Ляли взойти по железной лесенке-подножке.

Она сделала два шага и нырнула за черный полог, закрывавший дверное отверстие.

3

В темном помещении действительно были зеркала. Те самые, искажающие лицо и фигуру. Развлечение для малышек или подвыпивших недорослей.

И только одно зеркало было задернуто занавесом.

Ляля, подстрекаемая любопытством, робко потянула за край, и покрывало послушно отъехало.

Пожалуй, это было даже не зеркало, а огромный экран монитора. Потому что поверхность ничего не отражала, а сама излучала неярко матовый свет, похожий на тихое сияние чуть пасмурного летнего дня. Других источников освещения нигде не просматривалось. Встав напротив экрана, Ляля не увидела самой себя. Но почему-то глаз не могла отвести от абстрактно-серебристого текучего мерцания. Оно завораживало. Ей казалось, что она парит в невесомости среди перистых облаков...

Она сначала и не заметила, как постепенно из этого легкого искристого тумана начали вырисовываться очертания, а затем и цвета каких-то предметов. И вот она уже явственно различала окрашенные в красноватые тона стены просторной комнаты... медные или, может, даже позолоченные канделябры с горящими свечами... два стула, обитых узорчатой и, вероятно, очень дорогой материей... вишневые портьеры, обрамлявшие аркообразный проём, за которой начиналась торжественная анфилада...

По этой анфиладе кто-то шел навстречу Ляле. По фигуре и платью она поняла, что это была женщина. Или девушка. Незнакомка почти бежала, и через несколько мгновений Ляля уже смогла разглядеть её.

Да. Молодая девушка. Возможно, Лялина ровесница. Одета в пышное лиловое платье и носящая на светлых волосах маленькую сверкающую диадему.

Принцесса!

Внезапно у Ляли перехватило дыхание: она поняла, что видит если и не себя, то существо, до неразличимости с нею схожее.

4

– Ты кто? – властно спросила другая Ляля, подойдя к магическому экрану.

– Я... – Ляля вдруг решила играть в открытую: – Я – принцесса Эвлалия!

Незнакомка расхохоталась. Её смех был слишком громким и дерзким для особы королевского звания.

– Вот как! Ты! – фыркнула она, отсмеявшись и пристально глядя на оторопевшую Лялю.

– Я знаю, что я должна ею быть, – пояснила Ляля, не торопясь отрекаться от своих притязаний.

– Вообще-то так зовут меня, – сообщила другая Ляля. – Но я, точно как и ты, знаю, что это неправда. Потому что таким, как я, тут не место.

– Где... не место?

– А ты что, даже не представляешь себе, принцессой какой страны называешься?

– Я... как будто знала, но позабыла.

– Мидония. Королевство Мидония.

– Ах, да!! – Ляля от радости захлопала в ладоши. – Конечно, Мидония!

– Дурочка, чему радуешься? Впрочем, тебя тут, похоже, как раз не хватает...

В словах другой Ляли звучал намёк на какую-то тайну, однако она, не дав себе договорить, тотчас пустилась допрашивать гостью:

– А ты-то, чудо такое, откуда взялась?

– Я?... Шла по парку, увидела зеленый фургон... А в нём – вроде зеркало, но, оказалось, не зеркало...

– Похоже, это делишки Аскания, – скривившись, пробормотала другая Ляля.

– Кого?

– Неважно, потом узнаешь... И где этот парк?

– Парк? В Москве.

– Это что? Тоже королевство?

– Нет. Город. Очень большой. Огромный. Столица России. Страна такая. Тоже огромная. Самая большая на свете.

– О! Это было бы как раз для меня! Тебе там нравится?

– Не сказала бы. Правда, в других странах я не бывала, но у нас не очень... уютно.

– Вот как! И что же тебе не по нраву?

– Да всё. Климат жуткий. В июне может быть что угодно, от снега до дикой жары. Люди мрачные, грубые, злые. Шум, гам, вонь от машин...

– От... чего?

– Машины – это такие... ну как бы кареты без лошадей, ездят на жидком топливе.

– Ух ты! Вот бы взглянуть! И быстро ездят?

– Кошмарно быстро, а правил вообще никто не соблюдает...

Ляля вдруг осеклась. Ей подумалось: если другая девушка ничего не знает о Москве и России, то как они вообще могут разговаривать?

– Послушай, – обратилась она к другой Ляле. – Почему мы с тобой понимаем друг друга? И откуда ты знаешь русский? Или мы говорим... не на русском?

– Каждая говорит на своем языке. А понимаем мы не слова, а смысл.

– Скажешь, тоже делишки... этого, как его...

– Аскания? Кто его знает! Я давно уже чувствовала, что он занят какими-то поисками. И, похоже, успешно.

И вновь, вплотную приблизившись к некоей тайне, другая Ляля быстро сменила тему разговора, забросав собеседницу быстрыми вопросами:

– Ты лучше скажи мне: в вашем мире – ты кто? Где живешь, что делаешь? И вообще как там у вас всё?..

– В нашем мире я.. просто девочка. Школьница. Девятый класс закончила, готовлюсь к экзаменам. Живу с родителями. Тут, неподалеку от парка. А зовут меня Клавдия Соколова. Клава. В честь бабушки. Только я ужасно не люблю это имя. Оно какое-то... не моё. В детстве я его не могла даже выговорить и звала себя Лялей. Так оно и осталось. На Клаву я даже не отзываюсь.

– И напрасно. Мне нравится! – покачала головой другая Ляля. – Клавдия, Клава... Красиво звучит! Как, ты сказала, полностью?

– Клавдия Соколова.

– Здорово! А то – Эвлалия, Лали... Приторно, аж тошнит. Слушай, сестричка, может, нам впрямь поменяться?

– Именами?

– Да всем! Ты – сюда, я – туда!

– А... как это?.. Разве возможно?..

– Почему не попробовать? Только быстро, пока Асканий нас не засёк...

– Но кто такой этот Асканий?

– Великий маг! – всохотнула другая Ляля. – Давай, не тяни, скидывай платьишко и сандалии...

И сама, решительно сняв с головы диадему, принялась торопливо освобождаться от застёжек и завязок своего длинного многоскладчатого платья.

До ужаса опасаясь, что в фургон войдёт собакообразный смотритель, Ляля всё-таки рискнула последовать ее примеру и вывернула через голову сарафанчик.

– Теперь становись вплотную к экрану! – скомандовала другая Ляля. – Делай то же, что я! Мы должны с тобой полностью совпасть – тогда у нас, может, что-то получится! Да, и волосы распусти! Металла быть не должно!

Ляля, словно загипнотизированная, послушно щёлкнула китайской заколкой, и светлые волосы легли ей на голые плечи.

Две девушки, схожие до неразличимости, соприкоснулись руками и одновременно потянулись навстречу друг другу. Что произошло, Ляля так и не поняла, но после мгновенного помутнения чувств очнулась в заэкранной комнате.

– Быстро! Кажется, кто-то идет! – зашипела оказавшаяся теперь по ту сторону новоиспеченная Клавдия.

Действительно, издалека слышались шаги, и в анфиладе показался чей-то силуэт; одновременно раздались голоса с внешней стороны фургона.

Клавдия мигом натянула на себя Лялин сарафанчик, прыгнула в ее сандалии, подобрала с пола заколку и сумочку, и с задорным напутствием – «Ну, сестрёнка, пока! Веселых тебе приключений!» – выскочила прочь из фургона.

5

Ляля с непривычки не успела облачиться в королевское платье. Она лишь слегка прикрылась им и отошла в сторону. Когда шаги приблизились, она спокойно и властно, сама дивясь своему тону, сказала: «Извольте подождать, я ещё не одета». Язык, на котором она говорила, был ей незнаком, но почему-то совершенно понятен.

– Ваше высочество, – откликнулся женский голос, – отчего Вы не позвонили? Разрешите помочь Вам...

– Я звонила, никто не пришёл, – наобум солгала Ляля. – Меня слишком туго зашнуровали, дышать невозможно.

– Нынче жарко, Ваше высочество. Не угодно ли Вам выбрать другой наряд?

– Да, пожалуй, что-нибудь полегче и посветлее, – милостиво согласилась Ляля.

Женщина, которую она толком не успела разглядеть, нырнула в боковую дверь, немного пошуровала там и вынесла белое кисейное платье: «Не соблаговолите ли выбрать это, ваше высочество?»

Ляля милостиво кивнула и позволила надеть на себя пахший лавандой и чуть пожелтевший от времени наряд: кружева, похоже, были старинные. К платью полагался атласный пояс и туфли из тонкой серебристой кожи с атласными лентами.

Убранство принцессы довершила небрежно сброшенная прежней владелицей диадема: тонкая золотая вязь, украшенная мелкими самоцветами и жемчужинами.

Магический экран теперь выглядел как обычное зеркало.

Ляле очень понравилось увиденное в нем собственное отражение.

«Вот теперь я и вправду Ее высочество принцесса Эвлалия», – подумала она.

И тотчас внутренне ужаснулась тому, что наделала.

Ведь она по сути ничего не знала о королевстве Мидония, в котором ей предстояло жить, а в дальнейшем, возможно, и править.

6

Бабушки и малыши на детской площадке зачарованно наблюдали за тем, как к зеленому фургончику подъехал на серой в яблоках лошади красивый и стройный, хоть и не первой молодости, всадник, похожий на героя старинного кинофильма – и потому не обратили никакого внимания на тоненькую светловолосую девушку, поспешно выпорхнувшую из фургончика и скрывшуюся в густых зарослях отцветшей сирени.

Всадник, верхнюю половину лица которого скрывала широкополая черная шляпа, а нижнюю – щегольские усы и бородка с серебряной проседью, спешил. Смотритель помог ему поправить одежду и передал поводья коня подоспевшей хмурой женщине-груму: в парке многие пользовались их услугами.

– Приходил кто-нибудь? – спросил импозантный пришелец на непонятном для окружающих языке.

– Да. Девушка одна любопытствовала. Я позволил ей заглянуть. Вы же сами велели, чтобы я для отвода глаз иногда пускал посетителей.

– Где она?

– Там, Ваша милость.

Господин с бородой нырнул за черный занавес, но тотчас выскочил в сильном замешательстве:

– Куда она делась?!...

Смотритель пал перед ним на колени:

– Клянусь, Ваша милость, не знаю!

Хозяин яростно пнул его сапогом:

– Животное!

– Да, да, да, не судите же строго...

– Как она выглядела?

– Молодая, любезная, длинные светлые волосы, платье выше колен...

– Проклятие! В этом мире таких миллионы! След! А ну, бери след!

Смотритель послушно встал на четвереньки и, по-собачьи принохиваясь, взобрался на ступеньки, проник внутрь фургона, задом выполз назад...

– Ну, что?

– Ничего, Ваша милость. Назад эта девушка не выходила. След ведет только туда.

– Чепуха какая-то... Этого просто не может быть... Конечно, портал двусторонний, но... Неужели их... две?!..

Господин был настолько озадачен, что говорил сам с собой. Впрочем, его слуга не понимал, о чем речь. В подробности замысла великого мага Аскания верный пёс Варвар посвящен не был.

7

– Лялька! Привет! Ты чё тут делаешь?..

Она едва не натолкнулась на шедшего ей навстречу рыжего парнишку в клетчатой рубашке и синих линиялых штанах. На лице его красовалась странная маска: два прозрачных стекла, скрепленных металлическими ободками... Интересно, зачем нужна маска, если под нею всё видно?

– Привет. Я просто гуляю, – дружелюбно улыбнулась она и стала ждать продолжения диалога, надеясь, что постепенно выяснит, кто этот юноша и куда ей самой теперь идти.

– – Ни фигасеньки! – присвистнул он. – Ты в своем репертуаре! Химию-то сдавать вообще собираешься?

Она понятия не имела, куда и зачем ей что-то надо сдавать, но даже бровью не повела:

– А, как-нибудь обойдётся.

– Ну да, Марь Максимна тебе бы трояк и за красивые глазки поставила, но ведь там будет комиссия!

– И что случится, если я не смогу её сдать?

– Ляль, ты чё, совсем чокнутая? В десятый класс собираешься?

– Да вроде бы собиралась.

– Слушай, хочешь, поднатаскаю тебя?

– В каком это... смысле?

– На самом деле там всё очень просто и логично, просто надо вникнуть в главные принципы, особенно в неорганике... Пойдём хоть ко мне, хоть к тебе...

Паренёк вдруг смутился, и она поняла, что в его предложении, сделанном явно от чистого сердца, мог быть и скрытый, не совсем безобидный смысл. Однако она совсем никого здесь не знала, а парнишка явно был настроен доброжелательно, хотя выражался не слишком учтиво. Наверное, тут так принято.

– Лучше ко мне, – решительно сказала она.

По крайней мере, с его помощью она хотя бы узнает, где живет.

– И вот еще что. Пожалуйста, если тебе не трудно, не зови меня Лялькой. Я – Клавдия. Клава.

Он усмехнулся:

– Да ради бога! Но тогда уж взаимно. Я больше тебе не Рыжик, не Родька, а Родион!

«Родион»?...

Это имя ей показалось прекрасным. В Мидонии так могли бы звать принца, который ей мог бы понравиться. Но тамошний принц звался совсем иначе, и нисколько не нравился ей...

8

– Каков мой распорядок на нынешний день? – изо всех сил стараясь выглядеть естественно и беззаботно, спросила принцесса Эвлалия у молодой сухощавой дамы, похожей статью и нарядом не на служанку, а скорее на фрейлину.

Та учтиво, но с полным достоинством поклонилась ей и плавно, чуть растягивая слова, изрекла:

– Ваше высочество нынче немного рассеяны. Однако я с удовольствием повторю сказанное мною при Вашем утреннем туалете. После обеда с Ее величеством королевой Вас ожидает урок истории, переодевание, верховая прогулка по парку, затем вновь переодевание и урок танцев. После этого Вы еще раз переоденетесь и изволите выпить чаю. Далее – урок музыки и переодевание к вечернему балу.

Распорядок, о котором Ляля раньше могла лишь мечтать! Вот, оказывается, как живут настоящие принцессы! Никаких хождений на мелкооптовый рынок с сумкой-коляской, никакой толкотни в троллейбусе, никаких семи уроков подряд... Зато семь смен нарядов за день!

Однако при мысли о том, что вскоре ей предстоит увидеть королеву, которая здесь считает ее своей дочерью, заставила Лялю прямо-таки измениться в лице.

– Что с Вами, Ваше высочество? – не преминула заботливо спросить первая дама, по-видимому, камеристка.

– Может быть, мне лучше сегодня обойтись без обеда? – попыталась выкрутиться Ляля. – У меня... немного живот болит.

– Да, а чуть раньше Ее высочество жаловались, что ей трудно дышать, – добавила заботливая служанка.

– В таком случае Вам следует лечь в постель, Ваше высочество, – заявила фрейлина. – А я немедленно дам об этом знать Ее величеству.

– Что вы, не стоит, уже всё прошло! – запротестовала еще больше струхнувшая Ляля.

– Вашим драгоценным здоровьем рисковать ни в коем случае недопустимо! – безапелляционно отрезала фрейлина и, отвесив ей краткий поклон, стремительно вышла из комнаты.

– С госпожой Норбертой лучше не спорить, – покачала головой камеристка и приоткрыла дверь в спальню принцессы.

– Вот именно, Селия! – раздался властный голос Норберты из анфилады.

Ляля, а ныне – принцесса Эвлалия, сочла за лучшее покориться.

По крайней мере имена своей камеристки и фрейлины она теперь знала.

9

Клаве понадобилась вся ее выдержка, чтобы не реагировать ни на какие неожиданности этого грандиозного, шумного, но такого увлекательного мира. Она шла рядом с рыжим Родионом в стеклянной полумаске и вела какой-то странный разговор, толком не понимая, о чем речь, но стараясь отвечать весело и односложно. Впрочем, ей удалось уяснить, что экзамен – послезавтра, что сам Родион химию знает далеко не на школьном уровне и потому собирался сейчас сходить в кино на очередной сиквел «Пиратов Карибского моря», но из дружеской симпатии к Клаве согласен потратить эти два-три часа на вдалбливание в ее бестолковую голову самых расхожих химических формул: «Кстати, мне самому интересно, смогу ли я объяснить что-нибудь с нуля человеку вроде тебя»... А рядом с ними с рёвом, лязгом и пронзительными гудками проезжали эти самые «машины» – кареты без лошадей, однако с возницами внутри, и эти возницы то держали во рту какие-то дымящиеся палочки, то прижимали одной рукой к уху какие-то маленькие коробочки и громко разговаривали сами с собой... Из некоторых карет раздавалось странное ритмичное буханье, похожее на грохот молота в кузнице. Были и очень большие кареты с несколькими дверьми, в которых виднелось много людей; часть этих карет ехала рядом с обочиной, по которой шли Клава с Родионом, а часть – посреди улицы по каким-то железным перекладинам... У этих были ромбовидные рога, а у тех, что проезжали близ обочины, рога были как у улиток... И все рогатые кареты держались своими рогами за натянутые над улицей толстые верёвки – чтобы не заблудиться, что ли?

– Может, на троллейбусе или на трамвае остановку проедем? – спросил Родион, махнув рукой в сторону рогатых карет.

Знать бы, какие из них «тро»..., а какие «тра»!...

– Да ну, там столько народу! – отказалась Клава, и он легко согласился: «Правильно. Я тоже на короткие расстояния предпочитаю пешком. Транспорт – себе дороже. Да еще через эти дурацкие турникеты перелезть... Проездные-то на июнь уже не дают, приходится зайцем»...

Этой фразы Клава совсем не поняла.

Родион шёл уверенно, как будто дорога была ему знакома.

Они поравнялись со светлым трехэтажным зданием вроде небольшого белого дворца с красноватой отделкой, обнесенного невысокой оградой, за которой виднелся довольно чахленький садик с жидкими кустами и давно не полотыми клумбами.

– Слушай, Ля... Клава, давай зайдём на минутку в школу, мне нужно в библиотеке спросить, что делать, если я потерял книжку... Штраф, наверное, слупят, а может, согласятся на замену... Я недолго, а?...

– Давай.

– Подожди меня в холле, если у тебя никаких там дел нет.

Они подошли к стеклянной двери, возле которой стоял мужчина в черном наряде с золотистыми буквами «ЧОП ВОЛКОДАВ».

– Молодые люди, вы к кому? – спросил он.

– Ой, чёрт, школьную карточку забыл! – хлопнул себя по бедру Родион. – Пустите нас, пожалуйста, мы свои, из девятого», я Родион Князев, а это Клава Соколова, нам позарез нужно в библиотеку...

Охранник, усмехнувшись, впустил их, и они оказались в прохладном сумрачном помещении. С одной стороны виднелось множество столбиков с крючками, с другой – низкие лавочки, над которыми на стенах висели какие-то картинки. Она зацепилась взглядом за одну из самых крупных; там была изображена дама средних лет с широким лицом, к которому совершенно не шли мелкие светлые кудри... «Директор, заслуженный деятель народного образования, Вера

Степановна Чудова», – прочитала Клава, убедившись к своему радостному удивлению, что она способна не только говорить, но и понимать написанное на здешнем языке. Это, конечно же, сильно облегчало ее положение.

«Клав, теперь тебе придется хоть для приличия заглянуть со мной в логово нашей книжной церберши», – сказал Родион и повел ее мимо этих картинок куда-то в боковую комнату.

Они вошли.

Там было книгохранилище, вид которого сразу вселил в Клавину душу покой и умиротворение. Здесь хотя бы пахло знакомо – старой бумагой, кожей, сладковатой пылью, немного – мышами и кошками...

У деревянной стойки разговаривали две пожилые дамы. Одна из них, седоволосая и маленькая, носила на лице прозрачную маску, подобную той, что имела у Родиона. Другая, высокая, полная, с неестественно красными волосами, что-то писала маленькой палочкой в тонкой книжечке.

– А, должник Князев явился! – вперилась в вошедших седая старушка.

– И двоечница Соколова, – сокрушенно вздохнула красноволосая. – Ляля, я думала, ты дни и ночи сидишь над учебником!

– Марь Максимна, – обратился к ней Родион, – мы как раз шли заниматься, я обещал Клаве пройти с ней хоть часть билетов...

– Умница ты мой, золотой мальчик! – обрадовалась Марь Максимна. И, повернувшись к другой старушке, спросила: – Берта Михална, а что он вам задолжал?

– Да еще в третьей четверти взял «Принца и нищего» и никак не несёт!

– Родя, ты что, впал в детство? – изумилась Марь Максимна. – Это же из списка для четвертого класса...

– А я взял на английском, неадаптированный вариант, – пояснил, почему-то смутившись, Родион. – Думал, раз сюжет знакомый, оно полегче пойдёт. Успел только пару глав осилить – похоже, книжку стырили. Где – не помню. А как достать взамен такую же, не знаю. Ищу, пока не нашел. В Доме книги спрашивал, в Библиоглобусе – говорят, бывает, но сейчас нет. «Янки при дворе короля Артура» – пожалуйста, а этого – днем с огнем.

– Берта Михална, – вновь обратилась Родионова заступница к книгохранительнице. – Может быть, вас устроил бы такой вариант?

– У меня еще Герберт Уэллс есть на английском, мой собственный, – умоляюще произнес Родион.

– Он такой хороший мальчик, – продолжала наступление Марь Максимна, – на химической олимпиаде первое место в районе занял, английский вот учит...

– Уэллса у нас в фонде нет, тоже кто-то украл, – задумчиво произнесла Берта Михална.

– Значит, договорились! – закрепила успех своего наступления Марь Максимна. – Родя приносит Уэллса, формуляр мы ему закрываем, а если вдруг потом ему попадется «Принц», он вспомнит о вашей доброте...

– Ну, разве что так, – не слишком охотно согласилась старушка.

10

– Повезло же нам с классной! – покачал головой Родион, когда они вышли из школы, шурясь от яркого солнца. – Марь Максимна все-таки мировая тётка, хоть смешная, да и в химии, извини, разбирается на кухаркином уровне...

– Да, а Берта Михална – изрядная вредина, – согласилась Клава. – Послушай, Родион, а тебе кто из учителей еще нравится?

– Ну, Елена Пална, которая математичка и которую ты так не любишь, по-моему, все-таки справедливая. А Елена Пална, которая литераторша и равнодушна к тебе, как записала меня в троечники, так и числит... Обидно. Пишу-то я уже почти без ошибок. А что не Лев Толстой – так это не всем дано, правда?

У Клавы хватило ума не спрашивать, почему здешнему мальчику нужно непременно быть похожим на толстого льва, причем на уроках словесности. И почему в здешней школе учатся вместе и девушки, и юноши, а все предметы им преподают исключительно дамы.

– Жаль, что учителей-мужчин у нас нет, – осторожно посетовала она.

– Как нет? А Матвей Григорыч?.. Впрочем, да, ты же по английскому в группе Татьяны Викторовны... Жаль, Аркадий Сергеич ушел – но понять его можно, тут так мало платят... Как дочка школу закончила – он и слинял в сисадмины.. Знаешь, а я продолжаю с ним контактировать – иногда бываю в гостях, но чаще по мылу и аське общаемся... Новая программистка, эта Ольга Олеговна, по сравнению с ним – просто серая мышка, хи-хи...

Родион засмеялся, как будто сказал что-то остроумное.

От обилия двойных имен у Клавы уже звенело в голове. Надо бы, пока не забыла, разложить всё по полочкам. Значит, так: химичка, она же классная дама – красноволосая Марь Максимна. Есть еще две тёзки, Елены Палны. Клавицу учительницу по английскому зовут Татьяна Викторовна. Программистку – Ольга Олеговна. Теперь бы выяснить, как они выглядят, и в чем заключаются преподаваемые ими науки...

– Клав, ты куда? – вдруг схватил ее Родион за руку. – Забыла, где живешь?

– Прости, задумалась, – засмеялась она.

Они едва не прошли мимо высокого серого здания с множеством некрасивых, похожих на железные клетки, балконов, заставленных всяким хламом, а частично закрытых грязными стёклами.

К счастью, здание имело только один вход, и тут ошибиться было невозможно. Но вот дальше...

Она же не знала, на каком этаже живет здешняя девочка Ляля.

Однако везение продолжалось.

– Ляля! – окликнула ее какая-то толстая старушка с костылём, сидевшая на скамеечке возле входа. – Тут вам бандероль принесли, она в ящик не влезла, чтоб тебе или матери на почту лишний раз не ходить, я за вас расписалась... Щас отдам.

Бабулька, кряхтя, приподняла пышный зад и вытащила плоский сверток в коричневой бумаге.

– Спасибо огромное! – искренне поблагодарила Клава и впилась глазами в адрес.

«Клавдии Васильевне Соколовой... Дом 7, корпус 3, квартира 11»...

Она сунула свёрток под мышку и запустила руку в Лялину сумочку.

Поиски оказались недолгими. Внутри лежали: пачка каких-то мягких бумажек, крохотный гребешок и два ключа на простом железном колечке.

Собразить, как ими орудовать, смогла бы даже принцесса.

11

– Её величество королева Килиана!

Торжественно провозгласив этот титул, дама Норберта присела в ритуальном реверансе, а Селия низко склонилась.

К огромной высокой кровати с бархатным балдахинем, на которой утонула в пуховиках и подушках Эвлалия, приблизилась величественная дама с правильными, но чуть резковатыми чертами лица и непроницаемыми чёрными глазами. Она была в пурпурном платье – видимо, уже переодетая к обеду.

– Эвлалия, я слышала, вы недомогаете? – сказала королева грудным голосом, взяв ее за дрожащую и потную руку. – Да, ваш пульс учащён... Нет ли у вас лихорадки, дитя моё?

– О нет... матушка. Я здорова, совсем здорова, – пролепетала Ляля, отведя глаза. – После завтрака была небольшая тяжесть в желудке, но она скоро прошла... Не знаю, почему Селия и дама Норберта так всполошились.

– Потому что от вашей жизни зависит судьба королевства, – торжественно изрекла Килиана. – Будьте любезны, приподнимитесь, откройте рот и покажите мне ваш язык...

Ляле еще никогда не доводилось показывать язык королеве, но она не посмела послушаться.

– Нет, тут всё в порядке...

Килиана слегка приложила губами ко лбу мнимой дочери.

– Лихорадки и вправду, кажется, нет... Отчего же ваше сердце так часто бьётся, дитя моё?

– Матушка... Ваше величество, я расстроилась, подумав, что мне придется провести такой чудесный день в постели. Ведь я не больна, а мне никто не верит!

– Что ж, разрешаю вам встать. За обедом вам подадут лишь легкие блюда. И при малейших признаках недомогания ставьте меня в известность, моя милая. Ваша скрытность может нам всем обойтись слишком дорого.

Королева в сопровождении дамы Норберты ушла – впрочем, Эвлалия понимала, что фрейлина, проводив Её величество, вскоре вернётся.

Селия молча принесла ей очередное платье – на сей раз розовое, шёлковое, и на шёлковом же чехле.

«И с чего это нужно обращаться со мной как с фарфоровой вазой?», – пробормотала Ляля, расправляя складки на юбке.

– Но, Ваше высочество, – удивилась Селия, – ведь Вы – единственная надежда Мидонии! Странно, что Вы до сих пор относитесь к этому столь легкомысленно!

– Да разве совсем уж единственная? – пожала плечами Ляля. – Из любого безвыходного положения всегда найдётся какой-нибудь выход, пусть неожиданный...

– Боюсь, что Вы так и не осознали всей тяжести...

Договорить Селии помешало возвращение дамы Норберты, которая, придиричиво осмотрев свою подопечную с головы до ног, сдержанно оценила ее преображение:

– Так в самом деле лучше. Ваше высочество, извольте проследовать в столовую, Её Величество надеется увидеть Вас в добром здоровье и хорошем расположении духа.

И, слегка наклонившись к уху Эвлалии, чуть прикрытому скрученной в локон пепельной прядью, добавила с непонятной смесью насмешки и довольства: «Учтите, к обеду приглашен и принц Перотин»...

12

Великий маг Асканий был в полном смятении. Не мог же он разорваться на части! Между тем нужно было срочно выяснить, что происходит в королевском дворце и на месте ли эта каверзная девчонка принцесса Эвлалия, и одновременно попробовать разузнать, что за девушка наведывалась в зелёный фургон и куда она делась, если даже собачий нюх Варвара смог учуять только следы, ведущие внутрь, а не обратно... Особенно сильно наслезено было перед экраном, как если бы гостя не просто стояла там, а сидела или клала свои вещи на пол. И именно это обстоятельство внушало магу самые дурные предчувствия, хотя он и силился убедить себя в том, что таких совпадений попросту не бывает...

Ах, как тщательно было всё задумано и устроено!

Ловушка должна была рано или поздно сработать. Принцесса своенравна, любознательна и предприимчива. Она бы однажды поняла, что в ее гардеробной стоит не просто новое зеркало (взамен разбитого ею прошлой зимой, когда ей взбрело в голову поиграть у себя в мяч), а волшебный экран, за которым – иная реальность. Он слишком хорошо знал Эвлалию: она бы не испугалась и не проболталась ни верной Селии, ни надменной Норберте, а, улучив момент, когда останется в одиночестве, попробовала бы шагнуть за черту – и очутилась бы там, где ее бы ее не нашел – никто, кроме самого Аскания. Он явился бы ей как спаситель на белом коне... Ну, на сером в яблоках, это неважно... У Эвлалии не осталось бы иного выбора, кроме как подчиниться ему. И тогда он мог бы ставить королеве условия. Если бы выяснилось, что король Вассиан в самом деле погиб, то... следующего короля могли бы звать не Перотином Брагарским, а Асканием Великим!..

Ему нужно было найти принцессу.

Причем ту самую.

Другая никак не годилась.

13

– Клав, извини за нахальство, чайком не угостишь? Или хоть водички бы холодной... У тебя, случайно, колы или минералки нет?

– Ой, не знаю, – пожала плечами Клавдия. – Утром не обратила внимания.

– Можно, я нагло посмотрю в холодильник?

– Сделай милость! – улыбнулась она, быстро окинув взглядом комнату и, к своему счастью, углядев нужное: шкафчик со стеклянными стенками, а в нём – чашки с блюдцами и хрустальные бокалы. Из таких не постеснялись бы пить и в родном дворце... А Ляля говорила, что живет как бедная простолюдинка... Диковинные тут, однако, обычаи.

Краем глаза Клава заметила, что Родион прошел в смежную, меньшую комнатку, раскрыв дверцу какого-то белого шкафа, внутри которого сам собою зажёгся свет – и с торжествующим криком «Эврика!» – вытащил оттуда пузатую бутылку с тёмнокоричневым содержимым. «Правда, не кола, а квас, но оно даже лучше, та слишком сладкая»...

Клава достала из стеклянного шкафчика пару бокалов и отнесла в соседнюю комнатку. Там было довольно уютно, только очень уж тесно: маленький столик, три табуретки, тот самый белый... как его... холодильник... На нем – какой-то ящичек с непрозрачным стеклом... В углу – нечто вроде чаши фонтана, рядом – черный стол с двумя круглыми отверстиями, украшенными черными же фигурными розетками...

– О! Мы с тобою шикую по-королевски, – усмехнулся Родион. – Пьем квас из хрустальных бокалов!

Он отвинтил пробку и налил ей и себе чуть шипучего коричневого напитка.

Клава слегка пригубила его.

Вкус был крайне непривычным и поначалу неприятным. Но Родион явно блаженствовал, залпом осушив первый бокал и тут же наполнив его снова.

– Холодненький, в самый раз! – с удовольствием заметил он. – А ты что не пьёшь? Простудиться боишься? Вообще-то мысль верная, лучше не рисковать... Может, чаю себе всё-таки сделаешь?

– Да нет, я пока не хочу, – отказалась Клава.

Не могла же она признаться, что понятия не имеет о том, как делают этот самый чай! Ей, принцессе, всегда подавали напитки уже налитыми в чашку.

В большей комнате что-то протяжно затренькало. Потом ещё раз. И ещё.

– Ты что, решила не подходить к телефону? – удивился Родион.

Клава успела-таки понять, что странный звук исходил от приземистого продолговатого предмета на столике возле дивана. Она наобум взяла дребезжащую часть предмета в руки. Оттуда раздался женский голос:

– Алло, алло, Ляля! Ты слышишь меня?

– Да, слышу, – ответила она в ту часть, где виднелись отверстия, как в солоничке, только побольше числом и размером.

– Ты дома?

– Конечно, дома, а где же ещё? – удивилась она.

– Я звонила час назад, никто не брал трубку...

– Ну, я выходила... воздухом подышать.

– С ума сошла! А экзамен?!

– Я встретила Родиона, и он согласился меня... как это... поднатаскать. Мы сейчас будем с ним заниматься.

– Какого ещё Родиона?

– Князева. Из нашего класса. Победитель олимпиады по химии. У него еще было прозвище – Рыжик...

– А, помню, помню... Ты бы хоть его покормила, горе мое луковое!

– Мы квасу попили. Нашли в холодильнике.

– Ага, а суп, конечно же, не нашли? Для кого я старался, варила?

– Ну, попозже...

– Там и котлеты есть. Правда, позавчерашние, но что им сделается... Всё, ладно, я только что с обхода, сейчас начнётся приём, а это до вечера без продыху... Пока!

В трубке слышались настырные гудки. Не зная, что дальше делать, Клава повертела ее в руках и осторожно пристроила на прежнее место. Больше никаких звуков устройство не издавало.

Вероятно, это была ее здешняя мама.

Явно не королева, коль скоро она сама варит суп. Но почему тогда она до вечера занята обходом имения и приёмом просителей?..

Клава решила, что ответы на эти вопросы найдутся потом.

Для начала ей нужно было хоть что-нибудь выяснить относительно химии.

14

– Ох, как вы меня напугали!

Селия чуть не упала в обморок, когда из покоев принцессы Эвлалии вдруг выскочил не кто иной, как великий маг Асканий с серым псом, похожим на волка.

– Умение удивлять – часть моего ремесла, – усмехнулся маг, учтиво приподняв при виде дамы черную шляпу, но тотчас вновь опустив её на голову.

– Но всё-таки, что вы делали в комнатах Её высочества?

– Я искал принцессу Эвлалию, – ответил Асканий, не сильно покривив душою. – Кстати, где ваша госпожа, почтенная Селия?

– Разве великий маг не всеведущ? Принцесса пообедала вместе с Её величеством и Его высочеством принцем Перотином, и сейчас, вероятно, слушает свой обычный урок по истории, а затем поедет на верховую прогулку...

– Значит, всё идёт своим чередом? Никаких неожиданностей?

– А разве они должны были приключиться?

Селия пристально посмотрела на мага, и он надвинул шляпу поглубже.

– О нет, нет, но лишняя предосторожность не помешает...

15

Эвлалия никак не могла прийти в себя после слов, сказанных ей королевой в классной комнате, куда Килиана изволила милостиво проводить свою дочь.

«Дитя моё», – тихо, но внятно произнесла королева, усадив её перед собою и заняв обычное место учителя. – «Сегодня вместо обычного урока мы поговорим о важных делах, касающихся наших судеб и, возможно, будущего этой страны. Через несколько дней Вам исполняется шестнадцать, и Вы становитесь взрослой. Поскольку Ваш отец, отправившийся воевать с заморскими варварами, уже год не подаёт о себе никаких вестей, и наши враги злорадно объявили его погибшим, Ваше совершеннолетие делает Вас королевой. Я смогу лишь давать Вам советы, но не править за Вас. Между тем положение Мидонии опасно как никогда, и нам сейчас был бы нужен властитель, умеющий постоять за себя и дать отпор нашим недругам, а не юная девушка, выросшая в неге и роскоши и привыкшая к исполнению всех её прихотей».

«Да каких таких недругов?» – забывшись, всплеснула руками Эвлалия. – «Мы разве с кем-то воюем?»...

Королева встала, подала ей руку и властно подвела ее к висевшей на стене карте, которая отчасти напоминала ту, что Ляля рисовала себе в своих фантастических мечтаниях.

«Действительно, мы пока ни с кем не воюем, если не считать постоянных ратных вылазок короля Вассиана, могущих стоить ему короны и жизни – впрочем, он совершает свои подвиги вдалеке от цивилизованных стран, где ему, вероятно, слишком скучно»...

По этим речам Эвлалия поняла, что королева Килиана не питала привязанности к своему супругу, совершенно не одобряла его поступков и, наверное, вздохнула бы с облегчением, узнай она достоверно о его кончине.

«Нам же, дитя моё, надлежит хорошо представлять себе положение дел. Взгляните: вот Раштария, или, как они себя нелепо и вычурно именуют, „суверенная имперская республика Раштарских народов“. Вот наша Мидония – Вы видите, как она мала по сравнению с Раштарией. Хуже всего, что у нас нет выхода к морю, и потому мы сильно ограничены как в торговых, так и в политических связях. Старинные договоры обеспечивают поступление грузов через порты Брагариин, и пока союз наших стран сохраняется, у Мидонии есть надежда уцелеть в качестве королевства, а не провинции Раштарской империи... Ведь Дакрийского княжества, откуда родом король Вассиан, уже нет – оно якобы добровольно присоединилось к Раштарии. Похоже, к этому дело идёт и в Тиманской Унии. Удивительно, кстати, что Ваш учитель истории до сих пор не растолковал Вам эти очевидные, хоть и печальные истины».

Эвлалия поспешила заступиться за неизвестного наставника, вежливо возразив: «О матушка, Ваше величество, мне, конечно же, говорили об этом, но я не думала, что всё настолько серьёзно»...

«Так вот», – продолжала королева. – «Как Вы, несомненно, знаете, согласно мудрому древнему закону и обычаю, в Мидонии принято, чтобы управлял страной король, но власть передавалась по женской линии. От матери к дочери, или, что случается реже, от старшей сестры к младшей или от бабушки к внучке. Житейски это оправданно, ведь любой человек может быть уверен лишь в своей матери, но не в отце. Однако народ усердно верит преданию, согласно которому первой королевой Мидонии была Святая праматерь, вышедшая из недр Ястребиной Горы и родившая свою дочь от крылатого Вестника. И стало быть, наше происхождение в некотором роде божественно, а право на власть – неоспорно. Покуда жива носительница королевской крови, страна существует и будет существовать. Гибель короля всегда огорчительна, но она не влечет за собою конца государства: короли у нас всегда пришлые. А вот если погибнет принцесса-наследница, то Мидонии больше не будет – разумеется, если правящая королева не выйдет замуж и не произведет на свет другое дитя. Искренно молвить, я

вовсе не расположена вступать в новый брак, да и возраст мой оставляет мало надежд на появление ещё одной дочери, обладающей должным здоровьем и необходимыми дарованиями – к тому же, пока мы не убедились в том, что Вашего отца нет в живых, я не имею права даже думать о подобном повороте своей судьбы.

Наши враги об этом, конечно же, знают. А значит, Ваша жизнь и судьба всей Мидонии будет грозить опасностью, пока Вы не выйдете замуж и не произведёте на свет принцессу-наследницу. И мне кажется, будет вполне уместным отпраздновать в один день Ваше совершеннолетие и Вашу свадьбу с принцем Перотином, который, с моего благосклонного разрешения, намерен сделать Вам предложение о брачном союзе во время предстоящей конной прогулки. Я не вижу никакой причины, чтобы Вы не согласились с неизбежностью этого выбора: Перотин – младший брат короля Брагарии, и брак с ним ничем не повредит интересам наших соседей, но зато обеспечит нам будущее «...

«Но, Ваше величество, этот принц мне совсем не нравится!» – воскликнула, не сдержав своих чувств, Эвлалия.

«Боюсь, Ваше высочество, что в нашем положении было бы роскошью идти на поводу у мимолетных пристрастий», – холодно возразила королева и добавила, чуть помедлив: «Семнадцать лет тому назад я выходила замуж за князя Вассиана, и считала себя до крайности счастливой, потому что он пришелся по сердцу не только моей матушке, но и мне. Он был очень красив, смел, отважен... И что?... Ныне я не назвала бы наш брак удачным, хотя его главная цель – Ваше рождение – оказалась всё же достигнутой»...

Оборвав себя на полуслове, королева встала, подобрала шлейф и молча вышла из комнаты.

16

Эвлалия кусала губы, силясь не разрыдаться.

«Нет, нет, нет, я не буду плакать, ведь принцессы не плачут», – повторяла она себе слова, которые твердила, будучи ещё маленькой, столкнувшись с какой-либо обидой, неприятностью или болью.

Потом ее взяла злость на самое себя.

Дура дурой!

Ишь, королевской жизни ей захотелось! Сперва надо было хорошенько подумать, прежде чем бросаться очертя голову навстречу собственному отражению! А ведь та, вторая Ляля, ей намекала, что дела тут настолько нехороши, что впору сбежать хоть куда! И теперь она, верно, ошалело мечется по шумной и дымной Москве, ничегошеньки не понимая в тамошней сумасшедшей реальности, не зная собственного адреса и не имея ни единого друга, который бы объяснил ей, что к чему...

Ещё неизвестно, что хуже.

Да, но Эвлалия совершенно не хочет выходить замуж за этого противного принца Перотина!

Как не хотела этого и новоиспеченная Клавдия.

Видимо, дело не в них, а в самом принце.

Неприятный он. Скользкий какой-то. С виду принц как принц – ухоженный, безукоризненно вежливый. Истый аристократ – с худощавым вытянутым лицом, изжелта-белой кожей, длинными тёмными волосами и костлявыми пальцами. Разве что несколько сутуловат, и голос у него нудный, как если бы он мучился недолеченным гайморитом. А вдобавок – ни одного искреннего слова, ни одной чистосердечной улыбки!

Эвлалия не могла смотреть на него без смутного отвращения.

А теперь ей предстоит сказать «да» на его предложение руки и сердца!

О нет, нет, нет, и ещё трижды нет!

17

Как ни странно, химическая премудрость оказалась не столь уж чуждой и незнакомой для бывшей принцессы Мидонии. Когда-то, еще девочкой, она была ещё своевольней, чем ныне, и шныряла по дворцу, суя свой нос во все двери, и однажды проникла в запретный для всех прочих подвал, где великий маг Асканий колдовал над какими-то сосудами. Снисходительно посмеявшись над ее девичьим любопытством, он объяснил, что пробует превращать одно вещество в другое. И, надеясь, видимо, что она всё равно ничего не поймёт, назвал ей имена основных элементов и объяснил ей правила их сочетания: «Ваше высочество, люди сами состоят из различных веществ, и потому вещества ведут себя точно так же, как люди – сходятся, сочетаются браком, рожают потомков, похожих на обоих родителей, дружат, враждуют, воюют»... Он показал ей примеры как дружественных, так и враждебных взаимодействий: первые завершались счастливым слиянием, вторые – легкими взрывами и испарением в виде вонючего облачка (маг Асканий брал лишь самые малые дозы, но принцесса догадывалась, какими опасными могут быть эти опыты)...

Помнится, она пришла тогда в полный восторг и потребовала, чтоб он и дальше учил ее этому интересному делу. Однако Асканий мягко ей отказал, объяснив, что многие вещества смертельно ядовиты или способны порождать ядовитые сочетания, и потому наследнице трона нельзя даже находиться рядом с ними, не то что проводить какие-то опыты. А без полного знания любая наука недействительна, и потому лучше предоставить её тем, кто имеет возможность и право предаться ей целиком, подчас рискуя собственной жизнью.

Он тогда назвал то, чем занимается, «великим герметическим знанием».

Слово «химия» он не произносил.

18

– Слушай, да у тебя соображалка, что надо! – удивленно выдохнул Родион после того, как Клава уверенно написала формулу взаимодействия хлорированного железа с соляной кислотой.

– Ты так хорошо объясняешь, – скромно потупилась она. – Не то, что Марь Максимна.

– Да, она, конечно, на уровне учебника материал знает, но излагает путано... К тому же постоянно на всё отвлекается: «Берем две молекулы водорода... Козлов, что тебе? Выйти? А до конца урока десять минут дотерпеть не можешь? К водороду присоединяем... Галстян, дома будешь губки подкрашивать! Убери косметичку и смотри на доску!... Проверяем валентность... Козлов, быстро садись и пиши, а то опять скажешь – когда объясняли, тебя не было... В следующий раз лабораторная. Малышко и Соколова, это и вас касается. Ой! Звонок! Ну ладно, задачу дорешаете дома»...

Клава подумала: как, наверное, весело учиться, когда в классе много народу – ну и пусть ты чего-то не понимаешь, друзья помогут, зато сколько лиц, сколько слов и событий... Вот это – жизнь! Не то, что во дворце, где сидишь наедине с учителем, и он из тебя всю душу вынет, но не отпустит, пока не оттарабанишь урок.

– Кстати! – опомнился Родион. – Помимо теоретического вопроса, в билете ведь будет практическое задание. Насколько я помню, у тебя в классе без конца что-нибудь проливалось, взрывалось или начинало дико вонять. Конечно, опыты на экзамене предложат самые простенькие, но не худо бы проверить, как ты с этим справишься. Может... завтра позанимаемся у меня? У тебя-то, как я понимаю, никаких реактивов нет, зато у меня вся лоджия ими забита...

– А это... удобно?

– Почему же нет? Все мои на работе. Можем хоть целый день химичить.

– Ох, Родион, что бы я без тебя делала! Ты меня просто спас!

– Не сглазь!... На экзамене выясним, спас или нет. А завтра приходи прямо утром, часиков в десять – до обеда позанимаемся, потом сходим в парк, проветрим мозги, а затем, как говорится, закрепим пройденное. Знаешь, у меня уже спортивный интерес разыграл – смогу ли я тебя за два дня вытянуть на четверку!

В самом деле, Марь Максимна была права – «золотой мальчик». Ах, если бы он был принцем! Впрочем, в этом мире, кажется, это совсем не важно.

Что бы такое сделать для него взамен?

«Ты бы хоть его покормила, горе луковое», – всплыл в сознании укоряющий голос из трубки.

– Родион... Ты, наверное, очень голодный?

– Я?... Ну, если предложишь, не откажусь.

– Мама сказала, в холодильнике есть суп и котлеты. Будешь?

– С удовольствием. Классика общепита!

Клава уже приучила себя не реагировать на непонятные слова, надеясь, что в ходе разговора их смысл сам собой разъяснится.

Она встала и пошла в маленькую комнатку, называвшуюся, оказывается, кухней, но служившую также и столовой, хотя по размерам она годилась разве что для отхожего места.

– Кхм... Я проведу ваши удобства, о кей? – утвердительно спросил Родион и удалился в коридорчик. Послышался звук запираемой щеколды – а затем шум воды. Интересно, что там такое?... Рукомойник, что ли? А гремел, как настоящий водопад.

Клава решительно дёрнула за ручку и раскрыла холодильник.

Внутри действительно было холодно, как в зимний день. Горел маленький, но яркий застекленный светильник. На железных решетках стояли кастрюльки и баночки. Она вынула самую большую кастрюлю и открыла крышку. Внутри находилась жидкость с мелко нарезанными кусочками вареных овощей. Лук и морковку Клава, по крайней мере, узнала. Вероятно, это и был пресловутый суп. Приглядевшись, она заметила, что сквозь стенки одной из банок просвечивают продолговатые удлинённые комочки серого цвета, на вид совершенно неаппетитные. Это, что ли, они тут называют котлетами? На всякий случай Клава вынула и банку.

Теперь с этим всем нужно что-то сделать. В холодном виде есть это явно не хотелось. Кастрюлю нужно было, наверное, поставить на огонь. Но где у них тут очаг?

Пошарив по кухне глазами, Клавдия сообразила, что очагом может быть только черный столик у стены с двумя отверстиями, подходящими по размеру для донцов здешних кастрюль. Но.. огонь? Как они его тут добывают?

– Ты о чем замечталась? – удивился зашедший на кухню Родион и заставший Клавю, неподвижно уставившуюся на чёрный столик.

– Да вот, не найду, чем зажечь, – рискнула она сказать правду.

– Спички закончились? – нисколько не удивился он. – Дай-ка, взгляну... Ну, ты совсем заучилась, подруга, вот же целый коробок!

Он протянул руку и достал с полки маленькую коробочку с коричневыми боками. Внутри её лежали тоненькие аккуратные щепочки с тёмными головками. Поднеся щепку с боку коробки, он чиркнул, и она загорелась. Бросив коробок на стол, он другой рукой ловко повернул один из черных рычажков и поднес горящую щепку с круглому отверстию. Оттуда тотчас шумно вырвалось синее пламя. Клава в испуге отпрянула, Родион же, деловито извинившись – «Пardon, перебор» – подвернул рычажок, и пламя умерилось.

Она догадалась, что теперь туда можно поставить кастрюлю.

– А сковородка – в духовке? – утвердительно спросил Родион, садясь на корточки и приоткрыв нижнюю дверцу плиты.

Клава даже не стала отвечать, поскольку решила сама зажечь огонь во втором отверстии. Она старалась делать всё точно так, как Родион. Вынула щепочку (кажется, они называются тут «щипичками»). Быстрым движением провела ею по боку коробочки. Огонек послушно вспыхнул. Другой рукой она начала поворачивать рычажок, но замешкалась, и огонь обжег ей пальцы...

– Ай! – невольно взвизгнула она, отбросив «щипичку».

– Тьфу ты! – метнулся к ней Родион. – Давай быстро под кран!

И сам, повернув очередной рычажок, пустил в фонтанной чаше сильную струю холодной воды.

Клава с наслаждением погрузила туда обожженное место.

– Хозяйка ты, я вижу, аховая, – покачал головой Родион.

Она смущенно промолчала.

Он взял найденную в духовке сковороду, нашел, пошарив на полке, бутылку с жидким маслом, зажёл огонь, поставил греться котлеты... Открыв очередную дверцу, вынул оттуда хлеб. К счастью, тарелки и столовые приборы красовались на виду, на полке, и у Клавды достало ловкости сервировать столик на двоих.

– Да! И чайничек надо поставить, – вспомнил Родион.

Чайником оказался странного вида вытянутый белый сосуд, красовавшийся на подоконнике. Клава взяла его за ручку и собиралась было поставить на огонь, поскольку суп уже разогрелся и огненное отверстие освободилось, но, поймав изумленный взгляд Родиона, поняла, что делает нечто неправильное и тотчас вывернулась:

– Я... воды свежей налить.

Как действует фонтан, она поняла. Опорожнить сосуд и наполнить его вновь ее ума хватило. Поскольку на плиту такие сосуды, вероятно, помещать было нельзя, она вернула его на место, но что делать с ним дальше, догадаться не могла.

Её выручил звонок телефона.

Оставив в покое чайник, она побежала в комнату и схватила трубку.

– Ляля, вы еще занимаетесь? – раздался усталый, но заботливый голос здешней мамы.

– Закончили. Вот, обедаем.

– Скажи вернее, ужинаете. Ладно, я скоро буду. Только в булочную зайду. Куплю чего-нибудь вкусенького.

– Хорошо. Будем ждать.

Когда она вернулась в кухню, белый сосуд уже квохтал от нестерпимого желания напоить их горячей водой, а Родион уже держал наготове аккуратный фарфоровый чайничек и жестяную баночку. Когда бурчание внутри сосуда превратилось в яростное бульканье, что-то щёлкнуло, и красный огонек, горевший под его ручкой, сам собою погас. Откуда брался огонь, вскипятивший воду в чайнике, Клава так и не поняла.

– Давай чашки, а я заварю! – скомандовал Родион, явно лучше разбиравшийся в кухонных делах, чем подобало бы знатному юноше.

Чувствуя себя неуклюжей и страшно глупой, Клава кое-как налила в тарелки суп и поставила одну из них перед Родионом: «Кушай, пожалуйста. Приятного аппетита!»

Он хмыкнул, буркнул ей нечто вроде «спасиб!» и принялся уплетать подозрительное на вид, но довольно вкусно пахшее варево. Клава тоже взяла ложку и попробовала. Ничего, есть можно. По крайней мере, в здешнем мире никто не замышляет ее отравить, и с этой стороны подвоха ждать не следует.

Родион первым покончил со своей порцией, встал и положил прямо в опустевшую тарелку пару котлет, приобретших после поджаривания румяный вид и съедобный запах.

Недолго думая, Клава последовала его примеру.

Котлеты оказались ничуть не хуже тех, которые подавали в королевском дворце. Только там они назывались иначе.

Ели почти молча. И лишь когда перешли к чаю, Родион усмехнулся и покачал головой:

– Нет, Клав, я просто дивлюсь – и откуда ты такая взялась?

– Какая – такая?

– Ну... как принцесса. И вообще – не от мира сего.

Её бросило в жар. Неужели он что-то знает о Мидонии?.. Или она себя чем-нибудь выдала?..

– А с чего ты решил? – пожала плечами она.

– Ты... не такая, как все. Это сразу заметно.

– И что во мне... не такого?

– Да всё.

– Например?

– Ты... не куришь. Не красишься. Не... выражаешься. Насколько я понял, не пьёшь. И вообще живешь, словно бы отгородившись от этого мира стеклянной стеной.

Из всех этих слов она поняла лишь фразу про стеклянную стену.

– Знаешь, мир иногда таков, что это кажется единственно возможным способом самозащиты.

– Но не до такой же степени! Извини, что суюсь, но мне странно, что девица твоего возраста, которую, вроде бы, растили без слуг и без нянек, не знает, где у нее в кухне лежат спички и сковородки, и пытается греть на плите электрический чайник.

– Я... немного рассеянная, а сейчас у меня после наших занятий в голове такая путаница...

– Не хотел бы учить тебя жить, но лично я с семи лет умел не просто разогреть себе супчик, но и сварганить что-нибудь немудреное, вроде каши или яичницы. Ты-то как – умеешь готовить?

– Не пробовала, – честно созналась она.

– Маму бы пожалела. Она целый день на работе, придет усталая и голодная, ты бы ей – раз, и ужин! А то она тебе звонит и напоминает, где суп и котлеты. Не стыдно?..

– Я... у нас всегда так было принято, – смутилась Клава. – Кстати, а ты своим не звонил? Тоже, наверное, беспокоятся...

– Твоя правда! Я законченный свинтус! – хлопнул он себя по лбу и ринулся к телефону: «Санёк, мама дома? Скажи, я бегу, потом объясню, куда делся... Ничего по дороге купить не надо?.. Йогуртов? Ладно, в ночной загляну... Ну, пока, через полчаса буду»...

В июне темнеет поздно, и поскольку в половине десятого еще светит солнце, они не заметили, как пролетело время.

– Значит, Клав: спасибо огромное за угощение, извини за дурацкие нотации и помни – завтра я тебя жду к десяти... Хочешь, встречу на остановке?

– На какой остановке?

– Ну, давай на троллейбусной. Не перепутаешь?

– Постараюсь.

– Пока! Привет Катерине Витальне, супчик и котлеты были на высшем уровне!

Родион торопливо умчался, оставив Клаву одну в незнакомом жилище – её теперешнем доме.

19

Пока ещё это было возможно, она принялась изучать обстановку, с минуты на минуту ожидая прихода знакомой ей лишь по голосу матери.

Первым делом она разобралась с тем, что Родион деликатно назвал «удобствами». Этот маленький кабинетик удивил её чрезвычайно. С одной стороны, теснота была ужасающей. А с другой стороны, даже в королевском дворце невозможно было представить себе отхожее место, источавшее цветочный аромат вместо гнусного запаха, и умывальник с непрерывно текущей водой – хоть холодной, хоть горячей. А ванна! Принцесса Эвлалия могла себе позволить принимать ванну лишь по особым случаям, а здешние простолюдины, выходит, запросто нежились в ней каждый день, коли на то было их желание... Назначение еще одного белого предмета с круглым стеклянным окном она так и не поняла. Поскольку спереди у предмета имелись рычажки и кнопки, его, вероятно, следовало включить, чтобы он заработал, но как и зачем, Клава сообразить не сумела.

Обшарив ещё раз кухню, она уяснила себе, где и что лежит и стоит, и даже сообразила, для чего та или иная вещь предназначена. Преткновением для её ума стал таинственный прибор, помещавшийся на холодильнике и тоже снабженный кнопками, которые она трогать не рискнула. Чем-то он ей напоминал устройства, придуманные великим магом Асканием, а с ним она бы лишний раз связываться не хотела.

В жилище было две комнатки. Очень маленькие. Однако в них жили люди. Похоже, что именно их изображения красовались на стенах в простых деревянных рамках. Техника, в которой изображения были сделаны, Клаве была незнакома: люди выглядели совсем как живые.

На одном портрете виднелись мужчина и женщина. Мужчина был красивым, статным, светловолосым и чем-то неуловимо схожим с королем Вассианом – разве что не носил бороды и одет был по здешним обычаям. Из петлицы его строгого черного камзола почему-то выглядывал белый пушистый цветок... Это странно, идя сегодня по улицам Москвы с Родионом, Клава ни разу не видела, чтобы мужчины носили цветы в петлицах... Может, мода сменилась?... У женщины на портрете было милое и счастливое лицо, а одета она была тоже не так, как одеваются здешние горожанки: на ней было воздушное белое платье, а на голове – полупрозрачное покрывало. В таком виде было бы не стыдно показаться и на королевском балу...

Это – здешние Клавины родители?..

Если так, то, похоже, они далеко не худшие люди. Пусть и незнатные.

А вот ещё одна картинка. Те же двое и малышка лет двух с огромным бантом в белокурых волосах. Ляля с мамой и папой?..

Следующий портрет поверг ее в оторопь.

Картинка, несомненно, изображала принцессу Эвлалию.

Совсем еще девочку. Лет пяти. Это был не двойник, а именно она. Ведь она прекрасно помнила своё первое длинное бальное платье. Другого такого ни у кого быть не могло. Ведь его шили специально для наследницы, муча ее бесконечными примерками. Зато ничего прекраснее этого платья невозможно было и вообразить. Даже тогдашняя озорная непоседа Лали была в восторге, когда её нарядили и поставили перед зеркалом.

Внизу картинки шла сделанная витиеватым почерком надпись: «Ляля Соколова»...

Клава похолодела до самых корней волос.

Догадка, осенившая её была до того невероятной, что ей захотелось разнести вдребезги всё вокруг и заорать: «Нет, нет, нет!»...

20

Взяв себя в руки, мнимая Эвлалия лихорадочно принялась думать, что ей делать теперь, чтобы избежать уже, оказалось, решённого брака с принцем Перотином.

Просто взять да отказать ему наотрез?

Но королева внятно растолковала ей, почему хорошие взаимоотношения с Брагарией столь важны для оставшейся без короля и сильных союзников маленькой Мидонии, почти сплошь окружённой владениями могучей Раштарской империи.

Попросить об отсрочке – а там, может быть, и король вернётся живым и невредимым, и принц Перотин найдёт другую невесту, или отыщется более выигрышный и, главное, не столь противный жених...

Но, опять же, все окружающие, от камеристки до королевы, уверены, что каждый день промедления с замужеством чреват для неё чуть ли не смертельной опасностью. Раштарии нет нужды засылать ко двору убийц и шпионов – достаточно подкупить кого-то из здешних придворных, а уж казна этой... как её там... «суверенной имперской республики» не сравнима со скудной казной понемногу приходящей в упадок Мидонии. Придворные и чиновники всегда найдут себе место, и им, по сути, должно быть почти всё равно, даёт им доходы и должности королева или какой-нибудь там парламент, сенат, сейм, рада, дума... Из тех приближенных, с кем Эвлалия успела здесь пообщаться, она отчасти могла быть уверена только в Селии – да и та показалась ей слишком боязливой и скрытной. Селию можно если не подкупить, то припугнуть или просто заставить сделать то, что угодно сильным мира сего. Дама Норберта не очень-то благожелательна к опекаемой ею принцессе и чрезмерно честолюбива для столь скромной должности. Королева? Из разговора с ней Эвлалия вынесла смутное впечатление, будто мать хотела бы поскорее от неё избавиться – или снять с себя бремя ответственности за её судьбу... Килиана ещё далеко не стара, ей, похоже, лет тридцать пять – тридцать шесть, и такая женщина, как она – красивая, умная, гордая, властная – вряд ли смирилась бы с ролью всего лишь матери правящей королевы и бабушки новой, пока ещё не рождённой, принцессы... Зачем же она тогда так настойчиво сватает дочь за омерзительного Перотина? Что-то здесь явно не так, и с королевой надо быть осторожнее...

Сбежать? Вернуться в свой мир? Но как? В последний раз, когда Эвлалия одевалась к обеду, магический экран выглядел как обычное зеркало.

Да, но если он вдруг опять откроется, и принцесса бесследно исчезнет, Мидонию ждёт неминуемая катастрофа – это Эвлалия уже поняла.

Значит, надо найти ту, другую, которая так охотно назвалась Клавдией Соколовой и вернуть её на место – пускай она и выходит замуж за принца Брагарии, а ей, Эвлалии, таких принцев и задаром не надо!

Единственный человек, который мог бы помочь ей распутать эту головоломку – таинственный маг Асканий, создавший зеркальный портал...

Только принцесса не знала ни как он выглядит, ни где его отыскать.

21

Асканий проклинал своё собственное хитроумие, а ещё больше – свою самонадеянность.

А ведь Гронт его предупреждал! «Не захлопывай дверь, ключ от которой имеется лишь у тебя – однажды ты просто не сможешь войти или выйти»... Тогда ему казалось, что за этой житейской мудростью стоит лишь старческое брюзжание, замешенное на зависти к недюжинным талантам ученика. Асканий никого не посвящал в свои истинные намерения и никому не открывал секрета своих многочисленных изобретений. Он никогда не держал при себе ни учеников, ни помощников, за исключением Варвара, но тот был всё-таки не совсем человеком, и потому его мыслительные способности были заведомо ограниченными... Варвар не умел ни читать, ни писать, он неважно видел и относительно хорошо разбирался лишь в запахах. Разве можно было доверить такому преданному, но весьма недалекому существу все подробности столь тонкого и опасного предприятия, как похищение наследной принцессы! Всё готовилось в глубочайшей тайне.

Но как он мог упустить из виду простейшую вещь! Варвар никогда не видел принцессу вблизи и не сумел бы узнать её, столкнись он даже с нею нос к носу!... С тех пор, как Асканий начал работать над осуществлением своего плана, он не позволял Эвлалии посещать его мастерскую – вернее, сделал так, чтобы ей это запретила королева Килиана. Варвару же было строго-настрого заповедано не появляться где-либо за пределами отведенных магу покоев: проведай королева, что во дворце разгуливает оборотень, и Асканий должен был бы саморучно прикончить верного Варвара – или удалиться с ним вместе в изгнание.

Конечно, выскочить из портала вместе с Варваром прямо в покоях Её высочества и попасться на глаза Селии было верхом неосмотрительности. Но сейчас Асканий решил играть почти в открытую.

О духи и демоны!

Ему нужно было воочию убедиться, что принцесса никуда не делась. А потом уже попробовать разыскать таинственную незнакомку, навестившую зелёный фургон и словно бы растворившуюся в июньском воздухе того странного мира.

22

Эввалия, одетая в синюю амазонку с белым кружевным воротником и такими же манжетами, ожидала, когда ей подведут лошадь и помогут взобраться в седло.

Она старалась не показывать вида, но ей было страшно.

Как быть с принцем Перотином, она так и не придумала, и решила отдаться бурному течению событий – вдруг оно само повернётся так, что и делать ничего не придётся.

Хуже было то, что она совсем не умела ездить верхом. Весь её опыт ограничивался детскими катаниями на пони и смирных лошадках в парке – один круг медленным шагом, с инструктором, ведущим понурую скотинку под уздцы. Ей не приходилось даже править поводьями, и она понятия не имела, как садиться в дамское седло, и как вообще в этом сооружении можно продержаться какое-то время, да ещё куда-то уехать. Сколько раз она, помнится, собиралась накопить денег и записаться в кружок верховой езды, но всякий раз ей что-то препятствовало – то очередная простуда, то московская затяжная непогода, когда неохота из дому лишний раз нос высунуть, то попросту лень... Она ограничивалась тем, что воображала себя принцессой, гордо гарцующей на породистой лошади в окружении восхищенной свиты из блистательных рыцарей и очаровательных дам...

Поскольку Ляля не только читала книжки, но и смотрела костюмные фильмы из жизни старинной аристократии, она в принципе знала, какие движения ей нужно совершить, чтобы оказаться в седле, и умудрилась лишь слегка озадачить помогавшего ей грума своей необычной неловкостью – но, взгромоздившись на лошадь и взяв в руки поводья и хлыст, пришла в замешательство. Ведь она понятия не имела, ни как зовут эту белую лошадку, ни куда, собственно, надлежит направляться...

Лошадь тоже была недовольна, ощутив на себе незнакомую и к тому же неопытную всадницу, и попыталась выразить свои чувства в протестующих телодвижениях – она встряхнула гривой, ударила передним копытом о землю, вильнула крупом и взмахнула хвостом.

«Ласточка, как не стыдно?» – обратился к лошади грум. – «Если не перестанешь безобразничать, сейчас отведу тебя в стойло»...

Словно бы поняв его слова, лошадь несколько утомилась, и лишь нервно прядала ушами.

– Ваше высочество, не изволите ли предпочесть сегодня Ундину? – спросил несколько встревоженный грум.

Эввалия поняла, что речь идет о другой лошади, но испугалась, что с Ундиной её отношения сложатся ещё хуже.

– Нет, благодарю вас, мы с Ласточкой хорошо понимаем друг друга, – отозвалась она, наградив грума отчаянно-вымученной улыбкой.

И, неизвестно откуда усвоенным жестом тронув поводья, легонько стегнула лошадь хлыстом, направив ее вперёд по ближайшей тенистой аллее.

Свита – две дамы и два кавалера – следовала поблизости на некотором расстоянии.

Все знали, что, когда аллея кончится, и принцесса окажется на круглой поляне, из боковой аллеи покажется также совершающий конную прогулку принц Перотин. Они обменяются приветствиями, принц попросит её показать ему живописный вид с холма на долину реки – и там, на залитом солнцем возвышении, он задаст ей вопрос, на который получит единственно возможный и заранее оговорённый ответ.

23

Встреча Клавы с матерью прошла на удивление спокойно и гладко.

– А Родион твой ушёл? – спросила Екатерина Витальевна ещё с порога.

Интересные тут манеры – задавать вопросы, даже не поздоровавшись.

– Ушел. Сказал, что уже поздно.

– Жаль, а я торт «Прихоть» купила... Угостили бы мальчика...

– Можно завтра угостить.

– Он что, и завтра тоже придёт?

– Нет, мы договорились, что будем заниматься у него – там есть реактивы, он мне покажет, как делать эти... опыты.

– Ляль, он что, неровно к тебе дышит? – удивилась, переобуваясь в шлёпанцы, Екатерина Витальевна.

– Как это? – не поняла Клава.

– Ну, ухаживает за собою, что ли?

– Не замечала. Разве что обед помог разогреть.

– Здрате! А ухлопанные на тебя полдня? Ему что, нечем больше было заняться?

– Он сам предложил.

– О том и речь!

Клава только пожала плечами. У нее практически не было опыта общения с молодыми людьми – придворные кавалеры не в счёт, она видела их лишь на балах и говорила о самых что ни на есть пустяках вроде мод и погоды.

Мать, не стесняясь присутствием дочери, переделалась в домашнее платье под названием «халат», вымыла руки в «удобствах» и пошла на кухню.

– Ляль, а вы всё съели или что-то осталось?

– Котлеты остались. Подогреть?

– Будь добра. А то я устала как бобик.

Гордясь свежеприобретенным опытом, Клава зажгла огонь, плеснула масла на сковородку, выложила туда три котлетины и поставила на плиту. Пока они грелись, она вынула нарезанный Родионом, но так и не съеденный хлеб. Накрыла на стол.

– Вот умничка! – похвалила мать. – И ещё, если нетрудно, кнопочку на чайнике нажми, пусть вскипит.

Тут уже ошибиться было невозможно. Клава приблизилась к странному белому аппарату и нажала на единственную крупную кнопку. Тотчас загорелся красный огонек, и через пару минут чайник заурчал и забулькал. Хорошо, что заваривать не пришлось – заварка ещё оставалась.

– А ты чем занималась так допоздна? – поинтересовалась Клава, наливая чай в две чашки.

– Ох, замучили меня эти старики и старушки – идут и идут, а отказать... ну, как им откажешь? Приём по расписанию до семи, но не могу ж я спровадить фронтовиков или восьмидесятилетних бабулек, пришедших без записи... Вот и протыркалась почти до девяти – кому рецепты, кому направление в стационар, кому давление померить, кому просто поговорить... Убила бы я этого кровопийцу-министра – так издеваться над стариками! Я-то в кабинете сижу и работаю, а они, бедные, топчутся по полдня в коридорах, а чтобы талон взять, некоторые в шесть утра очередь занимают... Попадают ко мне, а у меня руки связаны: того лекарства нет, это нельзя выписывать – дорогое слишком, а это без визы главврача не дадут, а её расписание с моим не совпадает – старики в истерике, ругаются, угрожают... Сумасшедший дом!

Из страстной речи матери Клава поняла, что та была знаменитой целительницей, и к ней толпами шли больные простолюдины, а какой-то зловредный министр пытался этому воспрепятствовать.

– Почему бы тебе не бросить это занятие, раз оно бесполезно? – поинтересовалась Клава.

– Да сама не знаю! Привыкла, сколько уж лет на том же участке. И людей жалко – сама же когда-нибудь старая буду, вот и думаю: если я к ним по-человечески, то и мне, возможно, бог воздаст... А, да ладно, не твои это заботы, Лялька, давай лучше чай пить! Кроме тортика я ещё печенюшек купила, тортик завтра Родиону снесёшь, а эти мы сами схрумкаем.

Печенье было вкусным. Клавке вообще нравилась здешняя еда. Она была не такая утонченная, как та, которую подавали во дворце, но зато пахла соблазнительнее и во рту ощущалась явственнее.

Зазвонил телефон.

– Кто это так поздно? – удивилась мать, но встала и взяла трубку: – Алло!...

Внезапно выражение ее лица и голоса переменилось. Усталость и досада сменились сияющей радостью, а из голоса ушла резкость и горечь: «Вася!.. Ты откуда?.. Вот молодец!.. У нас всё хорошо, я вкалываю, Ляля к экзамену готовится... Не волнуйся, как-нибудь сдаст... Какие там репетиторы, бог с тобою! Мальчик один помогает ей, одноклассник... Ну, давай кончать, а то все деньги проговоришь... Позванивай, вечерами мы дома!»..

– Папка звонил из Анапы. Купался там, говорит, море уже тёплое. Хоть какая-то радость от этих поездок. Завтра – в обратный рейс. Привет тебе передавал.

Почему-то при слове «Анапа» в Клавиной душе повеяло странно знакомым теплом, хотя она готова была поклясться, что никогда раньше такого названия не слышала и даже не знала, Анапа – это страна или город.

– Ну ладно, Ляль, я помою посуду и лягу – устала безумно! Даже телек смотреть не буду, а ну его, там одни бандюки да придурки... А ты, если хочешь, у себя почитай. Телефон я выключу, чтоб не мешал, только завтра не забудь включить.

Мать наклонилась и вынула из стены маленькую коробочку на длинном шнурке.

– Спокойной ночи, – сказала Клава и направилась в свою комнату.

– Давай, ты примешь душ первой, чтобы потом не шуметь.

– Душ?..

– В ванне в другой раз поваляешься, это долго. Идёт?

– Да, конечно...

24

Что ей больше всего нравилось в этом мире – это необычайная лёгкость получения света, воды и огня. Нужно было только нажать на кнопку или повернуть рычажок. Даже с душем ей удалось освоиться после всего лишь пятой попытки. Хотя в Мидонии даже самый образованный человек воспринял бы это как магию, в здешнем мире никто даже не обращал внимания на такие явные чудеса.

«Святая праматерь!» – вдруг осенило Клаву. – «А вдруг и тот волшебный экран соорудил совсем не Асканий, а кто-то из здешних!»...

Однако она сознательно отогнала от себя эту мысль, потому что для вразумительного ответа на свой вопрос пока ещё слишком мало знала.

Надо было сперва разобраться хотя бы с тем, что имелось в Клавиной комнате.

Довольно узкое и невысокое ложе со странными прямоугольными подушками. И без каких-либо признаков постели. Ну, ничего, как-нибудь выспимся...

Шкаф с зеркалом. Клава открыла дверцу. Внутри лежала, как она догадалась, одежда. Юбки, платица, разные рубашки, куцые панталончики и пара синих штанов, вроде тех, что были на Родионе. Она уже знала, что женщины тут тоже носят штаны, но в каких именно случаях, пока не поняла. В нижнем ящике лежали удивительные прозрачные чулки, соединенные наверху воедино, как трико у отцовского шута, и смешные коротенькие чулочки без подвязок. За зеркалом оказалась ещё одна дверь, скрывавшая ряд вешалок. Там висела синяя куртка из такой же материи, что и штаны, лёгкий светлосерый кафтан и другой кафтан, из тяжёлой ворсистой материи. Под прозрачным чехлом красовалась короткая белая шубка. Дальше виднелись повешенные на одну вешалку две широкие и цветастые юбки – одна с ромашками на желтоватом фоне, другая с разноцветными кольцами. Пестровато, но, если тут так ходят, то даже красиво... Были ещё два платья, голубое и бледнорозовое – оно напомнило Клаве платье из её мидонского гарбероба, в котором она себе напоминала какую-то безмозглую куклу, но сейчас при виде этого оттенка у неё слегка ёкнуло сердце...

Ладно, с этим всё относительно ясно, остальное содержимое шкафа можно будет изучить в другой раз.

Над ложем висела карта.

Клава с жарко бьющимся сердцем приблизилась и заставила себя взглянуть на неё. Хотя изображение гордо именовалось «Картой мира», никакой Мидонии там, конечно же, не было. Она не увидела вообще ни одного знакомого названия. Какая-то Африка... Америки почему-то две... У них что, все страны только на «А»? Австралия, Арктика, Антарктида... Или это не страны? Надо бы найти Москву, чтобы знать, где находишься... Интересно, где же она?..

Ей пришлось долго шарить по карте, прежде чем она отыскала Москву и поняла, что город располагается в огромной – тут Ляля нисколько не хвасталась – стране России и в глубине большого материка, название которого не сразу бросалось в глаза...

«Вот, значит, куда меня занесло!» – подумала Клава.

И вновь, как и прежде, в голове прорезалась неясная догадка... «Хорошо бы узнать, Россия – это что: королевство или»... Нет, нет, таких абсурдных форм правления, как «суверенная имперская республика», тут быть просто не может...

Что гадать! Взять книги и выяснить.

В ногах ложа – застекленный шкаф с книгами, над письменным столом – полка. На полке, Клава уже знала, стоят школьные учебники.

Вот с них и начнём.

«Химию» – в сторону. «Математика» – даже страшно заглядывать, что там. «Физика» – наобум раскрыв её, Клава ойкнула и тотчас захлопнула. Неужели и это придётся сдавать?!... «Английский язык»... Тут хотя бы шрифт знакомый. Если отыщется словарь, то можно будет выучить сотню слов и несколько фраз, а уж там – как повезёт... «Литература»... Посмотрим оглавление... Имена, разумеется, незнакомые... Нет, одно из них что-то напоминает... Лев Толстой – похоже, это совсем не животное, а сочинитель... «Экономическая география»... Это как?.. Тут бы с обычной разобраться... Отложим. «Информатика». Интересно, а это про что?.. Текст вроде русский, но ничего не понятно. «История Отечества»... Ох, тут, пожалуй, сразу не разберёшься: даты странные, имена чужие...

Ага! Вот то, что нужно: «Краткая энциклопедия школьника»! Да уж, краткая – томик очень даже увесистый. Зато тут действительно собраны все необходимые сведения. Открываем раздел «Страны и континенты». Вот, пожалуйста: «Россия, Российская Федерация – государство, расположенное в Евразии»... Ничего себе! Получается, до какого-то 1917 года – империя, а после – республика? И даже «Союз Советских Социалистических Республик»?.. Советских – это которыми правят советники? Но чьи советники могут править республикой? Второе слово вообще какая-та абракадабра... Да уж, «суверенная имперская республика Раштарских народов» звучит нисколько не сумасброднее...

Клава решила, что поспит этой ночью поменьше, но постарается прочитать или хотя пролистать всю «Краткую энциклопедию школьника». Без этих знаний ей тут никуда.

Она кинула книгу на ложе, но, прежде чем лечь, завершила обследование учебного уголка.

В верхнем ящике стола лежали толстые, сплошь исписанные тетради. Почерк был безобразный. А вот что за маленькая книжица в кожаном переплёте? На каждой странице – имена и какие-то цифры... «Агеева Марина»... «Барыкин Володя»... «Галстян Карина»... «Дадаева Иоланта»... «Князев Родион»... «Малышко Ира»... «Татарские», «Юрченко»... Карина и Родион – одноклассники, остальные, похоже, тоже знакомые здешней Ляли. Но что значат цифры? Всякий раз их ровно семь... Хотя нет, иногда даже десять.

Рядом с книжицей в столе лежала продолговатая коробочка с маленьким стеклянным экранчиком и множеством кнопочек, на которых были разные буквы, цифры и другие значки непонятного вида.

Дрожа от страха и возбуждения, Клава решила попробовать нажать любые семь кнопок подряд.

«Неправильно набран номер», – вдруг ответил из коробочки металлический женский голос, похожий на голос дамы Норберты.

Клава вздрогнула, но поняла, что в целом она на верном пути: если этот номер был набран с ошибкой, то другой вполне может оказаться и правильным.

Вторая попытка – на сей раз десять кнопочек.

«Абонент временно недоступен», – бесстрастно сообщила надменная незнакомка.

В третий раз Клава рискнула набрать те цифры, что значились рядом с именем Карины Галстян.

«Алло!» – не очень довольным, но вполне человеческим и даже приятным голосом ответила коробочка.

«Карина, это ты?» – спросила слегка ошарашенная Клава.

«Ну, я. А кто говорит?»

«Клава».

«Какая ещё Клава?»

«Ну... Ляля. Соколова».

«Делать тебе нечего, Лялька, сонным людям названиваешь! Что стряслось?»..

«Ты случайно не знаешь, где живет Родион?»

«Рыжик-то? Во даёшь! В гости, что ли, среди ночи собралась?»

«Да нет, он завтра меня пригласил заниматься химией – а я понятия не имею, где эта самая троллейбусная остановка»...

«Так позвони ему! Не сейчас, конечно, а с утречка».

«Неудобно, Карин. Он-то думает, я знаю».

«Ладно, выручу. От тебя – вторая остановка к центру, рядом с ней ещё магазин „Самопал“. Адрес точно не помню, дом в глубине квартала, их там три двенадцатиэтажных, но ведь он тебя встретит?»

«Конечно. Спасибо большое и спокойной ночи».

«Чао, бамбина!»...

Судя по тону, каким была произнесена последняя фраза, она означала не ругательство, а благожелательное напутствие.

Положив коробочку на место, Клава вспомнила, что уже видела подобные предметы в руках у некоторых людей, шедших по улице или ехавших в машинах. Они прижимали их к уху и вели довольно громкие разговоры с невидимыми собеседниками. Видимо, это была разновидность аппарата под названием телефон. Но почему телефон, стоявший в большей комнате, соединялся со стеной каким-то шнурком, а этот лежал в столе сам по себе, оставалось неясным. Во всяком случае, коробочку можно было взять завтра с собой. Маг Асканий бы умер от зависти, покажи ему кто-то подобное устройство... А может быть, коли он наведывался в этот мир, у него такое тоже имелось?..

Интересно, а это ещё что такое под тряпочкой на краю стола?

Книга не книга, шкатулка не шкатулка... Чёрный прямоугольник без каких-либо застёжек и надписей, украшенный лишь непонятным вензелем... Снова какой-то прибор? Если здешняя Ляля умела им пользоваться, значит, надо попробовать научиться.

Так, вот, кажется, если отодвинуть этот движочек, крышка откинется... О! Опять экран! С ума сойти, сколько в этом мире экранов, и не мудрено, что никто не обратил особого внимания на экран-ловушку, устроенную в тихом парке хитрым Асканием! А с другого бока – снова кнопки с буквами, цифрами и значками, как на маленьком телефоне. Попробовать, что ли, набрать какой-нибудь из записанных в книжке шифров?..

Никакого эффекта.

Она принялась нажимать наобум все кнопки подряд. Вдруг экран зажегся синим светом, появилась цветная картинка и раздалась мурлыкающая музыка. «Микрософт», – прочитала Клава всплывшую надпись.

Ой, может, не стоило бы? Вдруг этот самый Микрософт – вроде здешнего Аскания? Или... упаси Святая праматерь, Гронта?...

Она немного подождала. Ничего ужасного вроде бы не случилось, но картинка сама собою сменилась другой, ещё более восхитительной. На фоне чудесного морского пейзажа были разбросаны пёстрые эмблемки с разными надписями. Смысл некоторых был совсем непонятен, но другие выглядели вполне безобидно: «Мои рисунки», «Мои документы»... Она догадалась: нужно что-то нажать, чтобы на экране изобразились все эти рисунки и документы – и принялась экспериментировать. В какой-то момент аппарат вновь мурлыкнул и выключился. Клава закрыла крышку и оставила его в покое. По крайней мере, она убедилась, что он для неё не опасен.

Голова гудела и отказывалась вмещать хоть какие-то ещё сведения.

Клава рухнула на ложе и всё-таки попыталась почитать «Краткую энциклопедию», но её сморило на первой же странице, и она не видела и не чуяла, как в комнату тихонько вошла Екатерина Витальевна и, покачав головой, вытащила из тумбочки одеяло, накрыла им непуганую

тёвую дочку, погасила свет и выставила ей на стол будильник, который должен был зазвенеть в половине девятого.

25

Эвлалия медленно ехала навстречу своей судьбе. Она уже видела, как в глубине противоположной аллеи показался принц Перотин на чубаром коне. Сейчас они сблизятся, и...

Внезапно из боковой аллеи выскочил большой серый волк.

«Ай!» – невольно взвизнула принцесса и судорожно дёрнула поводья. Ласточка, испугавшись не меньше её, заржала и вскинулась на дыбы.

Эвлалия, не удержавшись в седле, рухнула в траву и на какое-то время потеряла сознание.

Когда она очнулась, она увидела над собою множество побелевших от ужаса лиц.

Одно из них было ей хорошо знакомо, хотя этого человека она года два не видела.

«Аркадий Сергеич?»... – изумлённо пробормотала она.

26

Помолвка отложилась сама собою.

Эвлалия вновь оказалась в постели. Ей то и дело меняли прохладные компрессы, пахнущие болезненной свежестью. На глазах у королевы Килианы принцессу осмотрели три придворных врача, не нашедшие у неё ничего, кроме лёгких ушибов и небольшого сотрясения мозга.

Однако она поняла, что это и есть выпавший ей на долю счастливый шанс выиграть время и, может быть, навсегда отделаться от притязаний принца Брагари.

Ей вспомнился самый заезженный ход мелодраматических сериалов, и она решила разыграть амнезию. Что в данных обстоятельствах было не так уж трудно: слишком многие лица, события и реалии этого мира были ей совершенно неизвестны.

Поэтому принцесса безмятежно красовалась среди взбитых подушек и атласных одеял, кротко позволяла делать с собою всё, что этим людям было угодно – приподнималась, открывала рот, протягивала то руку, то ногу, давала пощупать лоб и пульс – и всё это с милой, рассеянной и глуповатой улыбкой.

Она никого не узнавала – ни Селию, ни даму Норберту, ни собственную мать.

– Дитя моё, неужели Вы даже не помните, кто Вы? – в тихом отчаянии обратилась к ней королева.

– Поскольку все говорят мне «Ваше высочество», я полагаю, что я принцесса, – слабым голосом отвечала Эвлалия.

– А кто – я, как Вы думаете?

– Мне сказали, что Вы – королева и моя матушка. Если это в самом деле так, я рада: Вы чрезвычайно добры и красивы, сударыня.

– И Вы не помните, что с Вами случилось?

– Нет, Ваше величество. А что со мною случилось, можно узнать?

– Вы упали с лошади.

– Вот как! А зачем я туда забралась?

– Куда, моя милая?

– О, простите, я что-то путаю...

– Ничего, ничего, Вам нельзя волноваться, со временем Вы, конечно, всё вспомните...

– А что я должна вспомнить, Ваше величество?

– Прежде всего – что так напугало Вашу лошадь.

– Лошадь... Ведь это – животное, да?.. Будь это дерево, оно бы не испугалось...

Королева закрыла лицо руками, а Эвлалия в ужасе подумала, что перебрала с актёрством и будет немедленно разоблачена.

«Великий маг Асканий почтительнейше просит разрешения Её величества посетить недомогающую наследную принцессу», – торжественно объявила дама Норберта.

– Асканий? – вскрикнула Килиана, но, помедлив немного, кивнула: – Хорошо, пусть войдёт.

27

«Наедине?!»... – изумилась дерзости мага королева. – «Вы – с моей дочерью?!»...

Маг с лицом бывшего преподавателя информатики Аркадия Сергеича отвесил Килиане нижайший поклон, а выпрямившись, прошептал ей что-то на ухо.

Королева с весьма недовольным видом обратилась к придворным дамам: «Великий маг полагает, что это необходимо для исцеления Её высочества» – и сделала им знак следовать за нею.

Теперь они могли поговорить без свидетелей.

Но Эвлалия не могла придумать, что будет лучше – сразу во всём признаться или продолжать разыгрывать свою роль. Потому она как бы в изнеможении полуприкрыла глаза ресницами и принялась изучать наружность Аскания.

Похож. И в то же время – другой человек.

Возможно, как и они – с настоящей Эвлалией, которая ныне ищет себе на голову приключений в Москве?..

Великий маг приблизился к принцессе и, молча поизучав ее несколько долгих минут, тихо и с расстановкой сказал:

– Сударыня. Вы – самозванка!

28

Проснувшись от прерывисто-настырного пиканья, она сперва не поняла, где находится и как она тут очутилась. Однако «Краткая энциклопедия школьника», лежавшая рядом с квадратными часиками, издававшими противный писк, напомнила ей о вчерашних невероятных событиях.

«Итак, я – Клава Соколова», – сказала она себе. – «И сейчас должна встать, попробовать самостоятельно умыться и одеться, согреть себе завтрак... вот бы дама Норберта застала меня за таким занятием!.. и отправиться куда-то по направлению к центру, на троллейбусную остановку рядом с магазином... как же его эта девушка назвала... смешное такое словечко»...

Часики продолжали издавать мерзкое «пи-пи-пи-пи!».

Вспомнив, что здесь все предметы управляются с помощью кнопок и рычажков, Клава повертела часики в руках и нашла-таки кнопку, после нажатия которой пиканье прекратилось.

Спала она, оказалось, прямо в платье под названием «халат».

Мамы в жилище уже не было, она ушла заниматься целительством.

Клава отправилась в «удобства», вымыла лицо и решила, как и вчера, принять душ – ей это очень понравилось, во дворце таких штучек не было. Попутно она прочла не замеченную ею вчера надпись на узком предмете в форме сосиски – «Зубная паста Дары Тайги» – и сообщила, что содержимое нужно намазать на какую-нибудь из маленьких щёточек, стоявших в стаканчике возле зеркала. Вкус пасты напомнил ей мятные леденцы, хотя был более едким, но ощущение свежести во рту доставляла несказанное удовольствие. Она почувствовала себя чистой, бодрой, полной сил и готовой на подвиги. Напевая что-то весёленькое, она надела юбку с ромашками и, перебрав полшкафа, нашла подходящую к ней обтягивающую фисташкового цвета рубашечку с короткими рукавами и круглым вырезом, позволявшим увидеть всю красоту её точёной шеи и безупречную линию плеч.

На кухне Клава нашла записку от матери: «Ляля, не забудь взять тортик! Привет Родиону».

Ах, будь у принцессы Эвлалии такая мама, может, и бежать из дворца не пришлось бы...

Клава уже привычным движением включила электрический чайник и, пока он вскипал, заглянула в холодильник. Никакой новой еды мама вчера не готовила, но сбоку на полочке красовался с десяток коричневатых яиц. Интересно, это куриные, или тут в обиходе другие птицы?.. Яйца – это знала даже принцесса Эвлалия – подают к столу варёными. А варят в воде. Значит, надо положить яйцо в кастрюльку... вот, кстати, самая маленькая... налить воду и поставить на огонь.

Вне себя от радости, что у неё всё так здорово получается, Клава проделала эти манипуляции. Она даже сообщила налить в кастрюльку кипятку – ну и подумаешь, что холодное яйцо сразу треснуло и обмоталось белёсыми ниточками, целиком-то оно ведь не вытечет, да? ... Пока яйцо варилось, она нашла в холодильнике сыр и масло. Ну, это же просто королевское пиршество!

Зазвонил комнатный телефон.

Это была мама.

– «Ляля, ты встала? Позавтракала?»

– Да, яйцом и сыром с хлебом. И чаю выпила.

– «Тортик вынь из холодильника и положи в прихожую, а то закрутишься и позабудешь».

– Ладно, не волнуйся.

- «Да, и вот ещё что! Там на подзеркальнике бандеролька лежит – ты вчера её даже не вскрыла. Почерк – папкин, взглянула бы, что там!»
- Ой, спасибо, что напомнила, непременно сейчас же взгляну!
- «Ну, пока!»...

29

Клава отнесла тортик в прихожую, положила на тумбочку под зеркалом и взяла в руки брошенную туда впопыхах бандероль. Разодрала плотную коричневую бумагу. Внутри была всего лишь одна, но довольно толстая книга.

«Принцессы возвращаются домой» – гласило название, выполненное насмешливо пляшущими крупными неровными буквами. Картинка на обложке изображала двух белокурых девушек, похожих друг на друга как сёстры-близнецы. Только одна была в синих штанах, а другая – в длинном платье серебристого цвета.

Сердце Клавы застучало с удвоенной скоростью.

Она открыла первую страницу и прочитала, уже предчувствуя, что именно увидит, но ещё не желая верить своим глазам:

«Ляля нехотя закрыла книгу, бросила рассеянный взгляд на дожидавшийся своей очереди учебник химии и погрузилась в несбыточные мечтания. Вот если бы попасть в тот мир, где самое место таким, как она «...»

Не в силах устоять на ногах от потрясения, Клава уселась прямо на пол и перелистнула несколько страниц вперёд.

«... Ты лучше скажи мне: в вашем мире – ты кто? Где живешь, что делаешь? И вообще как там у вас всё?..»

– В нашем мире я.. просто девочка. Школьница. Девятый класс закончила, готовлюсь к экзаменам «...»

Клаве стало жарко. Потом холодно. Потом по телу опять пробежала волна нестерпимого жара. И вновь проступил холодный пот...

Она захлопнула книжку.

И лишь теперь углядела начертанное на обложке тёмными буквами имя автора:

Аристарх Гронт

Этого только ещё не хватало!!!!...

Она отшвырнула книгу прочь.

Та кувыркнулась и встала домиком. И на пол выпал белый листок.

Дрожа от страха, ярости и решимости, Клава взяла его, развернула и прочитала:

«Лялечка, шлю тебе книжку – по-моему, как раз про тебя, а в Москве такую, наверное, не купишь. Пусть она скрасит тебе подготовку к экзаменам – помни, что, как бы ты их ни сдала, мы с мамой любим тебя и верим, что всё у тебя будет хорошо. Твой папка».

30

Эвлалия была уже готова во всём признаться великому магу и попросить его помощи, но, услышав оскорбительное – «Самозванка!» – тотчас решила ни в коем случае не сдаваться.

К тому же ей стало окончательно ясно, что, невзирая на поразительное внешнее сходство, это был совсем не Аркадий Сергеевич. Тот бы никогда не стал говорить с нею таким тоном – притом, что в информатике у бывшей Клавды Соколовой успехи были совсем не блестящие...

– Сударь, я вас не понимаю, – равнодушно отозвалась Эвлалия. – Все эти достойные благородные дамы, включая Её величество, обращались со мной как с принцессой. И, поскольку я в настоящий момент из-за злосчастного падения с лошади не могу точно вспомнить, кто я, у меня нет никаких оснований не верить словам той, что считает меня своей родной дочерью.

– Вы... вы ненастоящая принцесса!

– Докажите это мне и другим, тогда я охотно соглашусь с вашими доводами и приму свой жребий, каким бы он ни был, – с кротким ехидством возразила Эвлалия.

– У меня есть доказательство! Ваш запах! Варвар, конечно, глупец и слепец, но тут он не мог обмануться!

– Варвар?... Кто это?... – искренне удивилась она.

Асканий осёкся.

Разумеется, ни королева, ни члены королевского суда и совета никогда бы не приняли к рассмотрению свидетельство пса. Тем более, что никто не знал о способности Варвара принимать человеческий облик.

– Варвар – это собака, – чуть смущённо ответил Асканий.

Эвлалия чуть не воскликнула – «А, та самая, похожая на волка!» – но прикусила язык, быстро сообразив, что она не должна вспоминать о том, что было с нею до падения с Ласточки.

– Собака? У меня есть собака? – изумилась она. – Ну, позовите её, я думаю, она узнает хозяйку...

– Это не Ваша собака, – отрезал Асканий.

– Почему же тогда она может помнить мой запах? – продолжала Эвлалия разыгрывать невинное удивление.

И вновь Асканий был загнан в тупик. Ведь не мог же он сознаться принцессе (а вдруг она всё-таки оказалась бы настоящей принцессой!), что похитил её старые шлёпанцы и дал их понюхать Варвару, чтобы он мог взять её след!

Асканий решил, что поединок на сей раз лучше свести вничью. Либо девчонка демонски пронырлива, хитра и коварна – либо действительно произошла какая-то путаница.

– Извините, сударыня, возможно, мои подозрения и вправду беспочвенны, – пошёл он на попятную. – Но Вы должны понять и меня: вокруг сплошные враги и шпионы, и слишком многие желали бы, чтобы Мидония лишилась законной наследницы...

– А разве ваша великая магия не способна помочь вам определить, законная я наследница или нет?

В спокойном вопросе Эвлалии звучала едва ощутимая язвительность.

– Для этого Вас придётся подвергнуть испытаниям, которые Вы сейчас можете просто не выдержать, – не по-доброму усмехнулся Асканий.

Он подошел к двери, раскрыл её и с поклоном пригласил ожидавшую снаружи королеву и прочих дам войти в спальню принцессы.

«Состояние Её высочества не безнадёжно, – изрёк он свой вердикт. – Светлый разум её не покинул, речи связны, умозаключения обоснованны. Однако при нынешнем положении дел я бы осмелился посоветовать Её величеству не настаивать на скорейшем возвращении прин-

цессы к её высочайшим обязанностям. Ей необходим полный покой и отсутствие всяких волнений».

– Но как долго это может продлиться? – озабоченно спросила королева.

– Я приложу все силы к тому, чтобы ускорить выздоровление госпожи, – пообещал Асканий.

Эввалия поняла, что отныне она обречена на почётное заточение в собственной спальне. Зато, по крайней мере, вопрос о свадьбе с принцем Перотином пока что отпал.

31

Клава почти бежала по улице. Она опаздывала. Когда она выходила из дома, часы уже показывали десять, а ей ещё нужно было проделать путь, продолжительность и длина которого была неизвестна: прохожие охотно показали ей, где остановка троллейбуса в сторону центра (её вопрос никому не показался диковинным – мало ли в таком огромном городе чужестранцев!), но она побоялась воспользоваться многоместной каретой, подъехавшей через несколько минут к стеклянному навесу. Лишь наблюдала, как местные жители терпеливо, по одному, заходят в узенькую переднюю дверцу, совершают какие-то действия с очередным аппаратом, вращают большой серебристый трехпалый рычаг и протискиваются внутрь, где некоторые сидят, но большинство стоят, не соблюдая никаких приличий – мужчины и женщины вплотную и вперемешку.

– Девушка, что же вы? Талончика нет? Я уступлю по обычной цене, – обернулась к ней женщина с забавной сумкой на маленьких колёсиках; эта самая женщина практически и довела Калву до остановки. – А то выдумали: у водителя – чуть не вдвое дороже...

– Спасибо, я лучше пройдуся, очень много народу, – ответила Клава. – Тут, наверное, недалеко?

– Минут десять, там ещё магазин «Самопал»! – крикнула женщина, уже находясь на подножке троллейбуса и рывком поднимая туда свою несомненно тяжёлую сумку.

Любезно улыбнувшись отзывчивой горожанке, Клава устремилась по улице вслед за троллейбусом, сама дивясь, как она после всей вчерашних и нынешних потрясений ухитрилась ничего не забыть: в большом мешке из непонятного легкого материала помещались торт «Прихоть» и книжка «Принцессы возвращаются домой» – а в сумочке, болтавшейся на согнутом локте, лежали ключи от жилища, маленький телефон, коричневая книжица с шифрами, расчёска, пакетик с бумажными салфетками и симпатичный кожаный с тиснением кошелёчек с местными деньгами... На середине пути она увидела школу; со двора ей махнул рукой и что-то крикнул какой-то юноша – видимо, тоже одноклассник, но она только бросила: «Привет, извини, спешу!» – и быстренько зашагала дальше.

К половине одиннадцатого она, запыхавшись, подлетела к остановке, где её уже ждал Родион.

– Прospала? – улынулся он вместо того, чтобы посетовать на её неаккуратность, совершенно непростительную для особы королевских кровей.

– Нет, дела разные были... Прости, пожалуйста.

– Не за что. Просто, знай я, что ты придёшь позже, я заглянул бы в «Самопал». Нужно кое-что.

– Может быть, вместе заглянем?

– Давай, это быстро. У меня Кешка шнур от ю-эс-би-кабеля перегрыз.

– Ну и ну! – только и могла сказать Клава, понятия не имея, что имелось в виду.

Они зашли в магазин.

Родион целенаправленно двинулся к прилавку, над которым висела надпись «Электроника», и завязал разговор с торговцем. А Клава жадно разглядывала товары, выставленные на полках и витринах. О назначении некоторых она могла догадаться – это были щипцы, клещи, ножи и рычаги из блестящего металла, а также детали светильников и канделябров. Другие были ей совсем незнакомы, и даже по надписям она не поняла, что значит «картридж для аквафильтра» или «аэрогриль».

Да, здесь было, пожалуй, поинтереснее, чем в тайной мастерской великого мага Аскания! Тот бы с зависти заболел, попади он в такое фантастическое место. Асканий всегда

питал слабость к разнообразным штучкам, которые он называл «техническими артефактами». Но куда ему до московских умельцев! Обычный торговец, зевая от рутинности своего занятия, жмёт кнопки на устройстве, очень похожем на то, которое Клава обнаружила в комнате Ляли, а потом из соседнего серого аппарата сама собой выползает бумажная ленточка с нерукописными словами и цифрами – и решительно никто не видит тут никакого чуда!

Внезапно Клаву словно бы стукнуло: а вдруг Асканий – вовсе не маг? И все его «артефакты» – попросту краденые? Ну, не краденые, так добытые из этого мира, где они – в порядке вещей и продаются чуть ли не на каждом углу?..

Да, но как, не будучи магом, Асканий мог попасть в чужую реальность? Допустим, у него есть экран, служащий порталом. Неужели Асканий сам его создал? После всего виденного и пережитого Клаве в это не верится.

Значит, всё-таки – Гронт?..

32

– А ты разве совсем не помнишь, где я живу? – спросил Родион, когда они вышли из «Самопала». – Зимой ведь на моём дне рождения всем классом у нас гуляли.

– Ой, зима – это было так давно! – кокетливо встряхнула волосами Клава. —Знаю только, что дом в глубине квартала. И что их три похожих. Сама бы ни за что не нашла.

– Ля... Клав, извини за нескромность, а твой день рождения когда? Я что-то не помню, чтобы мы когда-нибудь его отмечали.

– Мой?.. Скоро. Через неделю.

– А, тогда понятно, во время каникул, в Москве в это время из наших обычно нет никого... Чёрт, а на этот раз – аккуратно в день сдачи истории! Впрочем, её ты сдашь на ура, и вечером сможешь по праздновать. Ты после экзаменов уезжаешь куда-нибудь?

– Я?.. Пока не знаю. А ты?

– Ну, куда мне ехать! Дачи нет, бабушки или тётки в деревне тоже нет, в лагерь уже не возьмут – шестнадцать исполнилось... Недельку балду погоняю, а потом поищу работёнку. Хоть курьером, хоть промоутером. В конце концов, мамулька у нас не двуязычная, сколько лет она нас с Саньком тянула, на трех работах вкалывала...

Продолжая болтать, они приблизились к огромному дому. Он был не только высоким, выше Клавиного, но и очень длинным, со множеством входов. Родион повёл её к третьему по счёту входу. Дверь была заперта, но вместо живого привратника она открывалась при помощи столь привычного здесь механизма с кнопками. После нажатия четырех из них что-то внутри запищало, и дверь поддалась.

Клава направилась было к лестнице, но Родион удержал её:

– Чудачка! Ты чё, пешком на девятый этаж собралась? Лифт пока что работает, тьфу-тьфу, чтоб не сглазить...

Лифт?..

Он нажал очередную кнопку, и прямо в стене открылась дверь, отъехавшая в сторону с неприятным лязгом и кряхтением. Родион явно ждал, когда Клава войдет в тесную комнатёнку без окон, тускло освещаемую сверху мигающим светом. В комнатёнке ужасно пахло, и Клава поморщилась и чихнула.

– Извини за амбре, – сказал Родион, нажимая кнопку с облезлой цифрой «9». Сейчас ещё ничего, терпимо. А то раньше, пока домофон не поставили, в лифт было вообще не войти! То лужа, то кучка... Тут ведь рынок рядом, к нам и пёрлись все подряд – торговцы, бомжи, шофера, пьянчуги... Тебе-то с твоим вторым этажом повезло, раз – и дома, а к нам – топать да топать...

Комнатёнка под названием «лифт» затряслась, застонала и остановилась.

Еле справившись с собой, чтобы не выдать свой страх и омерзение, Клава выскочила на лестницу.

Родион вынул из кармана рубашки ключи и открыл дверь:

– Прошу! Извини за беспорядок, у нас всегда так. Заходи, не стесняйся, дома нет никого.

Словно бы опровергая эти слова, им навстречу вышел рыжий пушистый кот небывалых размеров.

– Знакомся: Кеша, – склонился к зверю, чтобы погладить его, Родион.

Кот презрительно отстранился.

– Ах, пардон, Его величество Ксеркс Первый и Несравненный! – поправился хозяин самолюбивой зверюги.

Лишь после этих слов Кеша-Ксеркс дал почесать себя за ушком.

– Вообще-то он изначально – Ксерокс, поскольку его мамаша вывела котят в коробке из-под ксерокса, – пояснил Родион гостю. – Но Ксерокс сам собой превратился в Ксеркса, а я тогда был маленький и звал его просто Кеша...

Имя Ксеркс что-то смутно напомнило Клаве, но она не могла вспомнить, что именно.

– Разрешите представить Вам эту юную даму, Ваше величество, – продолжал насмешничать Родион. – Моя добрая подруга и соученица, э-э... принцесса Клавдия.

И сам расхохотался – так ему показалось это нелепо.

Кот внимательно посмотрел на неё и словно бы всепонимающе фыркнул, милостиво подставив ей выгнутую в горделивом приветствии спину.

– Польщена честью видеть Ваше величество, – на полном серьёзе ответила Клава, присев в глубоком реверансе и почтительно проведя по холёной огненной шерсти.

– Компот, чай, минералка? – обратился Родион к Клаве, указывая на открытую дверь маленького помещения, в котором она безошибочно узнала кухню.

– Пожалуй, компот, – кивнула она.

Вот рту у неё пересохло – то ли от быстрой ходьбы, то ли от порции очередных неожиданностей.

33

Королева Килиана, подобно большинству женщин, была не слишком сведуща в технике, но зато, являясь наследной принцессой, обучалась магии и целительству, причем целых три года – у старого архимага Гронта, который после присвоения звания великого мага Асканию перестал показываться при дворе. Случилось это двенадцать... нет, всё же скорее одиннадцать лет тому назад. Гронт объяснил своё решение тем, что не желает ни вмешиваться в дела бывшего воспитанника, ни оказывать на него какое-либо влияние. Злоехидные языки уверяли, что старик просто-напросто осерчал на неблагодарную королеву и взъялся на бывшего ученика, превзошедшего наставника в мастерстве и познаниях. Однако одержимый мстительной завистью Гронт должен был бы устроить им обоим беспокойную жизнь – между тем, с тех пор, как он удалился в своё горное обиталище, о нём не было ни слуху, ни духу. Разве что данное некогда обещание следить за погодой и климатом архимаг продолжал выполнять: в Мидонии, как и полагалось, весной было тепло, летом – в меру жарко, осенью – приятно и слегка дождливо, зимой ненадолго выпадал пушистый снег, лежавший ровно столько, чтобы накопить достаточно влаги на полях и не успеть наскучить любителям санных прогулок. Ни сокрушительных ураганов, ни суховеев, ни наводнений, ни многомесячной стужи страна не знала, хотя побережье соседней Брагарии то и дело страдало от штормов, Дакрийское княжество – от неурожая, а что творилось в Раштарской империи, и пером было не описать: климат мощнейшей в мире державы превратился в сплошную и непрерывную череду аномалий...

Потому королева в глубине сердца всё-таки верила, что в случае самой острой необходимости она найдёт возможность призвать на помощь Гронта, и тот не посмеет ей отказать: как бы старик ни относился ныне к самой Килиане, интересы Мидонии для него несомненно оставались превыше всего. Но пока что она надеялась обойтись собственными силами. Ведь ничего катастрофического ещё не случилось. Да, принцесса от сильного удара отчасти утратила память (утраť она её совсем, она бы – Асканий прав – лишилась способности рассуждать логично и связно). Но память можно восстановить. И королева даже отчасти представляла себе, как. В её тайном кабинете имелся замкнутый магическими заклинаниями шкаф, а в нём – различные вещества и снадобья.

Эликсир откровений.

Вот, что ей было нужно!

34

Асканий никак не мог прийти себя от результатов устроенного королевой эксперимента. Сказать, что он был потрясён, было бы всё равно что назвать зрелище извергающегося вулкана «забавным».

Того, что случилось, он совсем не ожидал!

Допустим, про эликсир откровений он и сам бы мог догадаться – у него имелось даже кое-что посильней, развязывавшее языки не только хилым барышням, но и закоренелым преступникам.

Однако произошедшее далее было попросту необъяснимым.

Погружённая в магический полусон девушка начала вспоминать.

И вспомнила то, чего никак не могла бы знать самозванка!

Она снова переживала свой первый бал и первое бальное платье. Тогда маленькой Лали было всего пять лет, и для неё это было, конечно, едва ли не самым значительным событием в жизни. Она описала все бантики, ленточки и оборочки – и по напряжённому лицу Килианы вдруг покатались тщетно сдерживаемые слёзы.

Больше того – она вспомнила Гронта и его огромного рыжего кота Артаксеркса!

Значит, эта принцесса была настоящей?!...

А как же ручательство Варвара?

«Ваша милость, тут я не мог ошибиться: эта девушка пахнет точно как та, что зашла в фургон и не вышла»...

Нет, придётся всё-таки вернуться в тот мир и попробовать найти двойника Эвлалии.

35

Где искать, Асканий уже себе представлял.

В том мире девушки неполных шестнадцати лет ещё учатся в школе. А школы, как правило, располагаются неподалеку от дома. Вряд ли кому придёт в голову перемещаться ради нескольких часов занятий на другой конец огромного и опасного города, а потом добираться обратно. Значит, Асканию нужно было обследовать все школы, находившиеся в окрестностях парка. Парк, правда, был очень большим (в этой невероятной стране царит повальная тяга к великанским масштабам). Но всё-таки дело затея не выглядела безнадёжной.

«Варвар, мы отправляемся!», – скомандовал великий маг, быстро переоделся, кинул в сумку необходимые вещи и включил второй портал, располагавшийся у него в мастерской.

36

– Клав, я вот что никак не пойму: ты раньше и вправду ни черта не смыслила в химии или только так придурилась?..

Родион был искренне удивлён фантастическими успехами своей подопечной.

Не могла же Клавдия рассказать ему, что на уроках практической магии ей уже доводилось иметь дело с пробирками, мерными ложечками и горелками! А то, что здесь вещества назывались иначе и применялись совсем в других целях, не имело большого значения – главное было понять принципы; их же Родион втолковал ей вчера...

– Знаешь, я понятия не имела, что кое-что у меня в голове всё-таки застряло, – скромно отозвалась она. – Да и ты постарался: без тебя это были просто обрывки сведений, безо всякой системы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.